

Самаркандский государственный институт иностранных языков

На правах рукописи

УДК 803. 0. 56

Ярмухаммедова Ситора

Сегментация предложения в тексте (на материале английского языка)

5A220100 – Лингвистика (инглиз тили)

Диссертация

на соискание академической степени магистра

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук,

доцент Ф.Ш.Рузикулов

Самарканд – 2012

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Сегментация и семантико-структурные отношения в предложении и тексте	
1.1. Импликационная сущность предложения в аспекте сегментации	15
1.2. Субъектно-предикативная основа предложения, предрасположенного к сегментации	22
1.3. Ритмико-структурное членение высказывания и сегментация	28
Выводы по 1-ой главе	34
Глава 2. Лексико-синтаксическая сегментность в предложении	
2.1. Теоретические основы сегментно-ориентированного предложения ...	39
2.2. Сегментация предложения как фактор синтаксического развития языка.....	45
2.3. Предложение как тип синтаксической сегментации	50
2.4. Эмоционально-оценочные функции сегментно-маркированного предложения (СМП)	59
Выводы по 2-ой главе	66
Глава 3. Лексико-синтаксическая сегментация в тексте	
3.1. Сегментное сжатие в тексте	69
3.2. Анафорическое и неанафорическое сегментирование	74
3.3. Сегментация речевого акта как одно из средств экспрессивизации текста	81
3.4. Контекстуальный анализ регулярных типов сегментированных предложений.....	85
Выводы по 3-ей главе	98
Заключение	101
Список использованной литературы	105

ВВЕДЕНИЕ

С развитием и углублением экономических, научных и культурных связей Узбекистана в современном мире неизмеримо возрастает интерес в стране к изучению иностранных языков. В связи с этим Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов особенно подчёркивает, что «сегодня трудно переоценить значение совершенного знания иностранных языков для страны, стремящейся занять достойное место в мировом сообществе, ведь народ наш видит своё великое будущее в согласии, сотрудничестве с иностранными партнёрами» [2, 312]. Говоря о национальной модели общественного развития, Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов подчёркивает, что «только та страна, та нация может добиться великого будущего процветания и благополучия, которая сумеет подготовить знающих, профессионально грамотных и энергичных личностей, настоящих патриотов своей страны, обогатить их огромным духовным наследием великой национальной культуры, приобщить к сокровищницам мировой культуры и науке» [1,238]. В этом плане и разработана Национальная программа по подготовке кадров, в которой показываются пути формирования нового поколения кадров «с высокой общей и профессиональной культурой, творческой и социальной активностью, умением самостоятельно ориентироваться в общественно политической жизни, способной ставить и решать задачи на перспективу» [5,35]. Поэтому исключительно высока роль наук, которые связаны с обеспечением процесса реализации программы. Действительно, «задачей науки является формирование нашего будущего. Направление завтрашнего дня, природной закономерности, показ такой, какой она будет. Наука должна стать средством, силой, движущей развитие общества» [4, 322-340].

Лингвистические теории XX – начала XXI в. в большей или меньшей степени формируются из концепции знака Ф.де Соссюра, содержащей в себе ряд противоречий, предполагая столкновение полярно несовместимых

свойств объекта. Принцип «подвижности знака» вступает в конфликт с учением об уравновешенной системе, принцип «произвольности знака» – с теорией «ценности» [valeur] и психологии актуализации обеих сторон знака: если знак есть единство понятия и акустического образа, то он мотивирован своим местом в языковой системе. С одной стороны, он стабильная данность, но с другой, – именно такой объект в языке, который не исключает свою трансформируемость, предрасположенность к вариативности, что в совокупности с прочими аналогичными явлениями порождает изменчивость языка в целом. Тем самым современная лингвистика характеризуется смещением акцентом с изучения особенностей устройства языка на изучение особенностей его функционирования.

Сложный знаковый характер предложения (единицы номинативной, когнитивной и коммуникативной) делает его центром пересечения всевозможных денотативных, сигнификативных, семантико-синтаксических, коммуникативно-грамматических и структурных значений. При этом различные функции предложения позволяют считать его в одних случаях как единицу с завершенной структурой (это высшая ступень синтеза по отношению к составляющим), а в других случаях как минимальную единицу (по отношению к более крупным структурам).

Актуальность исследования определяется наблюдаемым в настоящее время интересом к разработке вопросов теории разговорной речи [81], практическими целями изучения структур разговорного языка [84;85], недостаточностью разработки этих вопросов в лингвистике. А между тем современный этап лингвистической науки характеризуется формированием таких теорий и направлений, в основе которых лежат междисциплинарный и антропоцентрический принципы исследования языка (ср. когнитивную лингвистику как «инструмент» кодирования и трансформирования информации).

Разговорная речь представляет собой широкое поле для исследования

первым делом потому, что язык, существующий в обществе для общества, развивается и изменяется, главным образом, через речь свою функциональную разновидность.

Изучение любой структуры разговорного языка помогает вскрыть его внутренние законы, определить функциональную характеристику языка, а вместе с тем, языковые предпосылки изменений, которые претерпевает язык, ибо каждая языковая структура обладает особенностями, являющимися основой для дальнейшего развития языка. Исследование структур английской разговорной речи важно и для дальнейшего установления норм английского разговорного языка, особенно потому, что еще до сих пор встречаются исследователи [80, 14 – 15], считающие, что та или иная [не соответствующая нормативной] форма разговорной речи является неправильной. А между тем изучение речи [например, по диалогам художественных текстов] в лингвистическом ракурсе важно и для стилистики, поскольку основные стилистические приемы художественной литературы связаны с характерными чертами разговорной речи, используемыми ею выразительными средствами языка [14, 28].

В качестве одного из возможных и научно целесообразных подходов к подобному описанию синтаксической структуры предложения целесообразным представляется конструктивный анализ сегментации структуры предложения, исходящий из понятия синтаксического процесса и деривационной значимости элементов предложения в его текстовом построении. Поэтому актуальной представляется систематизация закономерностей формирования лексико-синтаксической сегментности предложения в тексте.

Целью настоящей магистерской работы является изучение структуры сегментации предложений, функционирующих в современной английской разговорной речи, [преимущественно отраженной в диалоге художественного текста], классификация этих предложений, установление

причин сегментации и обоснование их коммуникативно-информационной полноценности. Тем самым избранная направленность исследования соотносится с концепцией, в соответствии с которой «рассмотрение языка как структуры ... является прямым следствием классификации языковых фактов, осуществленной на основе их функций» [83, 438].

Кроме того, цель нашей магистерской диссертации заключается также в том, чтобы соотнести вопросы принципа сегментации в речи и проблему эволюции языка;

- показать имеющиеся итоги изучения сегментации речи в плане различных уровней (от лексического до синтаксического);

- подтвердить, что направления и конкретные формы проявления тенденции к лексико-синтаксической сегментации предложения могут быть соотносимы с общим характером грамматического строя исследуемого языка;

- выявить регулярно образуемые типы сегментно маркированных предложений и проанализировать их контекстуальные функции.

Цель магистерской работы заключается также в доказательстве следующего:

- 1) Сегментно маркированные вводно-обособленные словосочетания можно считать лексико-грамматическими и функциональными синонимами парентетических предложений (придаточных и полусамостоятельных, т.е. синсемантических сегментно маркированных предложений в рамках контекста).

- 2) Размещение составных элементов сегментных (вводно-обособленных) оборотов подчинено закономерностям, которые являются результатом действия таких факторов, как коммуникативный (ведущий), структурный, синтаксический и др.

- 3) Объём сегментного оборота определяется в предложении по семантико-синтаксической активности стержневого слова и осуществляется в результате таких синтаксических способов, как распространение,

расширение и усложнение.

4) Являясь одной из структурно-грамматических возможностей членения целого, сегментно маркированные компоненты (фрагменты) оказывают влияние на ритмический рисунок предложения, при этом они являются не только синтаксическим средством дробления целого, но и элементами его синтезирования в широком контексте.

Задачи настоящей магистерской диссертации вытекают из поставленной цели:

1) охарактеризовать новейшее состояние теории сегментации современного английского языка, выявить наметившиеся способы интерпретации сегментации предложения в тексте, показать общее и специфическое в толковании лингвистической природы сегментации предложения различными синтаксическими направлениями;

2) определить релевантные признаки сегментации предложения языка в параметрах структуры, семантики и текстопорождения;

3) дать анализ типов сегментирующихся компонентов, встречающихся в современном английском языке, и выявить закономерности их употребления в тексте.

Особое внимание обращается на структуры, ещё недостаточно полно описанные, а именно: обособленное дополнение, пролептические и присоединительные компоненты (имеющие в опорном предложении репрезентант).

Одна из основных задач исследования заключается в разработке принципов сегментирующегося текста, ориентируемого на устранения информационной избыточности. Считается, что сегментация [прежде всего это вводная обособляемость] языковых средств представляет собой характерное свойство естественного языка. Это активная тенденция, выражающаяся в удлинении текста, его усложнённости (редундантности).

Тенденция к сегментации предложения в тексте – это внутреннее

свойство языка, закреплённое в его структуре и обеспечиваемое ею. Без сегментирования текста язык не может быть эффективным средством общения. Особо рассматривается теория текста в ракурсе категории сегментации.

Объект исследования – сегментная подсистема вводного обособления в комплексной характеристике структуры, семантики и деривации в сопоставлении с общей системой предложения современного английского языка.

Теоретическую основу магистерской диссертации составляет аналитический образ истории изучения категории сегментности в связи с принципом языковой избыточности. Это позволяет установить то диалектическое противоречие, которое является одной из движущих сил процесса развития языка вообще.

Объектом изучения сегментно маркированные типы предложений [как типичное явление языковой избыточности] избраны потому, что :

– в языке художественных текстов (например, англоязычных) отмечается целый ряд безглагольных (или бессубъектных) высказываний;

– роль сегментно маркированных предложений в развитии повествования настолько велика, что они создают характерную черту языка многих современных авторов, поэтому класс предложений с сегментностью образует особую подсистему, участвующую в построении художественного текста;

– сегментно-маркированные предложения поддаются анализу весьма развёрнуто как единицы планов поверхностной синтаксической структуры, коммуникации и номинации.

Предмет исследования: структурно-семантические, лингвостилистические, прагматические, когнитивные характеристики категории лексико-синтаксической сегментности в системе языка и текста.

Отправным для данного магистерского исследования является

положение о наличии в предложении двух формально – синтаксически равноправных компонентов (подлежащего и сказуемого), а также компонентов, находящихся, по сравнению с ними, на более низких уровнях подчинения. Это свидетельствует в пользу того, что предложение представляет собой целую иерархию синтаксических зависимостей. При анализе структурных типов сегментно маркированных предложений мы исходим из того, что грамматические формы, составляющие разновидность обособленной подчинительной группы, неравноправны: одна из них представляет собой ведущий компонент, другая – подчиненный элемент, который уточняет ведущий компонент и вводится в предложение только через посредство ведущего компонента.

Новизна и ожидаемые результаты настоящего магистерского исследования.

В работе рассматриваются наименее изученные в англистике сегментно маркированные предложения, которые образуются в соответствии с формально-грамматическими и логико-семантическими закономерностями исторического развития английского языка. Считается, что каждое из подобных предложений предполагает наличие своего исходного полного структурно-синтаксического варианта. Будучи более объёмными, они зачастую конструктивно менее предпочтительны на фоне своих эллиптических вариантов. Именно этим и объясняется их меньшая употребительность в разговорно маркированном тексте.

Предложения полного состава, создавая через сегментацию, известную семантико-структурную избыточность, активно вытесняются предложениями без вводных элементов по требованиям нормы синтаксической системы языка, т.е. подобные предложения ориентируются на достижение необходимой конденсации семантического содержания, структурной компактности и заметной экономии языковых средств.

Типы предложений с сегментностью есть порождение закономерностей

развития синтаксической системы английского языка и общего закона экономии языка. Это системно образуемые синтаксические структуры. Они представляют собой соотношение синтаксического уровня и его текстовой репрезентации.

Причины экономии и избыточности в синтаксисе вообще и разговорной речи в особенности надо искать в коммуникативном и номинативном аспектах предложения.

При построении предложения происходит постоянное и сложное взаимодействие его назывного аспекта и механизма, реализующего коммуникативное задание. Но при этом механизмы актуализации и наименования события обладают известной степенью автономности. Коммуникативное задание может передаваться вспомогательными средствами синтаксиса – порядком слов, интонацией, расстановкой акцентов и т.д.

Таким образом, лексико-синтаксическая сегментация предложения является прямым следствием коммуникативного аспекта реализуемого синтаксиса языка. Причём подобная актуализация высказывания в разговорной речи происходит чаще [чем в других видах речи] при помощи именно сегментного конструирования. Текстовая трансформируемость предложения является наиболее типичным сегментным средством разговорной речи, используемым для выполнения коммуникативного задания, выделения ремы высказывания. Природа категории сегментности зависит также от динамизма смены ситуаций в разговорной и художественной речи при активных актах коммуникации.

Тем самым настоящая магистерская диссертация выполняется в русле фундаментальных исследований, проводимых в Республике Узбекистан в области системно-уровневой организации языка, его эволюции и деривационной активности. При этом специфические проявления синтаксического усложнения современного английского языка впервые

включаются и диапазон лингвистического изучения, в систему комплексного [структурно-derivационного и семантико- функционального] анализа через параметры установления его релевантных особенностей, что позволило разработать приемы систематизации сущностных свойств лексико – синтаксического конструирования в виде сегментных единиц предложения, установить причины ввода элементов в речь [текст] и описать факторы построения полнопредикативного предложения в процессе формирования типологии сегментно маркированных предложений.

Степень изученности проблемы. Англистика [78, 149; 80, 14 – 15; 82, 10–11] выдвинула к настоящему времени ряд проблем, связанных с дальнейшим изучением разговорной речи – проблемы синтаксической единицы [85, 16], полноты предложений [79, 8], лингво-психологических процессов в речи [83, 19], разграничения языковых стилей [82, 24 – 25], учета социального уровня говорящих [79, 132 – 133] и др.

Однако, имеющиеся исследования [19, 36-37] не носят систематического характера, отдельные вопросы рассматриваются разобщенно и часто без учета сопутствующих речь внелингвистических факторов.

Что касается проблемы лексико-синтаксической сегментности предложения, то она рассматривалась выборочно в аспектах: системы отношений и системы построения синтаксиса германских языков [9; 11; 14; 15; и др.] конструирования экспрессивного синтаксиса [21;32;35 и др.], семантической структуры и функции субъекта в предложении английского языка [37;39], типологии предложений с позиций функциональных подходов к изучению грамматического строя языка [40;43;44;47], формально-семантической структуризации языков различных типов [76;50] и др.

Вместе с тем, несмотря на то, что в последнее время сделаны заметные шаги по конкретизации исследования лексико-синтаксической сегментности в английской разговорной [в частности, диалогической] речи [72, 120 – 124;

74, 248 – 256; 83, 44 – 52], еще многие вопросы, связанные со структурой английского разговорного предложения, остаются незатронутыми.

К ним относятся такие, как: причины, обуславливающие полносоставность диалогических предложений, вопросы осуществления связи между структурами выражения и содержания, предикация в актуализируемых предложенческих моделях структура самих сегментно маркированных моделей.

Вне поля зрения исследователей остаётся проблема предложения с сегментностью в текстовом функционировании. Это именно тот круг вопросов, которым посвящена настоящая магистерская диссертация. Здесь описывается следующая проблематика:

- 1) Системно-уровневая организация лексико-синтаксической языка,
- 2) степень изученности сегментности по отдельным уровням (лексическому, морфологическому и синтаксическому),
- 3) типология сегментно маркированных предложений (в том числе, без глагола и субъекта),
- 4) моделирование сегментно маркированных предложений,
- 5) самостоятельный тип предложения, опирающийся на двусоставную подлежащно – сказуемостную структуру.

При этом утверждается: лексико-синтаксическая сегментация предложения (как проявление его семантико-синтаксической избыточности) есть один из основных принципов разговорного текстопорождения.

Методологической основой настоящего магистерского исследования послужили труды ведущих лингвистов в области общего и германского языкознания, лингвопрагматики, деривации и грамматического (прежде всего синтаксического) уровня языка (английского) [И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.Пауль, О.Есперсен, W.Craft, G.Curme, S.C.Dik, M.Furberg, H.Harisson, T.A.Van Dijk, и др.].

В работе используются следующие **методы исследования**:

1) описательно-аналитический [для получения целостного представления предложении с сегментностью в языке];

2) сопоставительно-сравнительный [для выявления сходств и различий между структурно-семантическими свойствами, лексическим составом и моделями сегментно маркированных предложений];

3) статистический [для количественного и качественного анализа предложения различного типа];

4) контекстно-ситуативный [анализ для моделирования на базе предложений с сегментностью в ракурсе глубинной семантики текста].

Основной принцип настоящего магистерского исследования заключается в противопоставлении предложений разговорного языка и полносоставных предложений книжного языка. Работа руководствуется тем положением, что анализ структурных типов вне связи и вне учета значений, передаваемых этими структурами, не может обеспечить полноты описания языка [22, 27). Поэтому за основу противопоставления предложений берется и имеющееся между ними сходство по содержанию.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предпринятый подход к изучению лексико-синтаксической сегментации предложения и текста может расширить существующее представление о природе синтаксического структурирования в свете общей эволюции языка и процессов его обновления с особым вниманием к семантической избыточности.

Теоретическая значимость магистерской диссертации заключается также в определении роли различных морфологических и синтаксических форм в организации семантико-структурных отношений в предложении, а также в выявлении сущностных проявлений при этом парадигматических и синтагматических факторов в становлении деривационно активных типов предложения современного английского языка.

Результаты исследования имеют значения и для теоретической

грамматики – общей и германской (роль морфологии в эволюции синтаксиса, функциональная модель в грамматике, система грамматических значений предложения, механизмы семантического изменения предложенческого типа, сопоставительная типология предложения, функциональный синтаксис, ассоциативно – вербальная сеть в активной грамматике, место грамматики в теории речевых актов, парадигматика предложения), а также для общего языкознания в решении такой проблематики, как: прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса с активизацией средств грамматического и семиологического ярусов, лексическая морфология в системно – синтаксическом описании языка, квантитативная лингвистика и семантика, грамматическое описание языковой концептуализации действительности, место дискурса в когнитивной лингвистики, семантика и прагматика текста, средства идентификации и дистанцирования в языке, статус эмоционально-смысловой доминанты в текстопорождающих актах, семантика градуальности в формировании синтаксического яруса языка и др.

Апробация работы. Настоящая магистерская диссертация была предметом обсуждения и прошла первичную апробацию на кафедре и была рекомендована к представлению к защите. По теме исследования были прочитаны доклады на научно – практических конференциях СамГИИЯ и опубликованы 2 статьи.

Структура работы определена последовательностью решения поставленных задач. Она состоит из Введения, 3 – х глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава 1

Сегментация и сегментно – структурные отношения в предложении и тексте

1.1. Импликационная сущность предложения в аспекте сегментации

Понимание предложения и его импликационных центров требует решить вопрос, как используются предложения и участвующие в его построении категории коммуникантами для интерпретации истинностных характеристик референта в составе десигната. Известно, что акты речи могут быть и очень сложными, причем в более сложных актах речи могут выделяться частные вопросы в пределах общей темы, а каждый отдельный вопрос может быть изложен в ряде отдельных предложений, каждое из которых будет выступать как особый акт речи.

Однако при выделении составных частей из такого акта речи, который является лишь одним предложением, мы обычно уже не получим настолько законченных и ясных по своей целевой направленности отрезков речи, чтобы их можно было признать отдельными актами речи [65, 8].

Поэтому нередко семантико-структурные отношения в предложении зачастую обуславливаются внешним контекстом, оказывая влияние на сегментации предложения в тексте.

Поскольку эмические и этические единицы грамматического яруса обнаруживают истинностный характер, постольку целесообразно исследовать категории грамматического яруса с точки зрения истинностной семантики [16, 362 – 363].

Традиционное отождествление подлежащего с субъектом, а сказуемого с предикатом суждения связано с проблемой истинности значения предложения, так как значение суждения всегда истинно или ложно. В языковом знаке вопрос об истинности применим к десигнату в целом, а в составе десигната – лишь к референту [65, 151 – 153].

При этом под референтом понимается не денотат (предмет во

фрегеевской логике), а ситуация, партиципиантами которой является некоторое множество экстенционалов (предметов), связанных между собой интенционалами (признаками).

Представление же в дискурсе партиципиантов референта как предметов или признаков зависит не от их имманентных свойств партиципиантов референта, а вносится в дискурс его автором в результате приписывания партиципиантам референта грамматических категорий частей речи и их маркеров.

Формой описания ситуации как функции между её партиципиантами считают рамку (фрейм), которая определяет порядок вхождения предложения фокусных классов по окружению, являющихся вместилищами категорий речи их маркеров.

Ключом к пониманию роли категорий частей речи в механизме построения дискурса служит стратификационная лингвистика С.М. Лэма и падежная грамматика Ч. Филлмора. Стратификация языка, построенная по модели с позиции говорящего, содержит на верхнем ярусе семантическую структуру "семиологический ярус". Степенью ниже в иерархии ярусов представлен "фонологический ярус".

Каждый ярус языка делится на подъярусы эмических и этических единиц.

Семиологический ярус имеет в качестве эмических единиц гиперсемемы, а этических – семемы, в грамматическом ярусе на подъярусе эмических единиц выступают лексемы, а на подъярусе этических морфемы.

Единицы семиологического яруса фиксируют на парадигматических полях систему знаний когнитивной области языка (картину мира), которая делает возможным взаимное понимание носителей данного языка в коммуникации.

В знаковой модели единиц семиологического яруса дифферентами являются единицы грамматического яруса – эмические (слова) и этические

(морфемы). Категории грамматического яруса используются в составе дифференторов единиц семиологического яруса для интерпретации содержания коммуникации – познавательного акта.

Знаковая модель реализации семиологического яруса позволяет выявить в акте коммуникации механизм порождения дискурса, использование в познавательном акте коммуникации эмических и этических единиц семиологического яруса для апперцепции данных восприятия референта, а также единиц грамматического яруса грамматических категорий, дифферентов семиологических единиц.

В современной теоретической лингвистике под частями речи понимаются грамматические классы слов, выделяемые по формам, определяющим их положение в предложении. Под формой обсуждаемого понятия подразумевается лингвистический знак со своими звуковыми диакритиками, имеющий своей семантемой единицу грамматического яруса – грамматическую категорию. Разумеется, имеются существенные различия между понятиями в составе грамматической категории и понятиями в составе единиц семиологического яруса – гиперсемем и семем.

Гиперсемемы и семемы фиксируют в когнитивной области языка знания о референтах, т.е. о фрагментах "персептивного мира" – строение единиц семиологического яруса дублирует (повторяет, по крайней мере, в основных чертах) строение фрагментов персептивного мира.

Употребление в коммуникации единиц семиологического яруса образует субъект (апперципирующее) в идеальном референте.

Будучи средствами интерпретации референта говорящим, грамматические категории являются смыслами (сигнификатами) и обнаруживают истинностный провал (отсутствие референта); значения категорий представляются нулевыми сущностями, которые заполняются в коммуникации как в результатах содержащегося в любой коммуникации познавательного акта.

Дело в том, что любое речевое произведение характеризуется определенным составом и строением. Самые же процессы его произнесения и осознания в тот или другой конкретный отрезок времени, при тех или других условиях, тем или другим лицом и пр. не характеризуют речевое произведение как таковое, почему оно и остаётся одним и тем же в различных речевых актах (поскольку в его состав и строение не вносятся при его воспроизведении какие-либо изменения). Каждый же акт речи характеризуется не только тем, какое произведение он собой представляет, но и самими данными конкретными процессами произнесения и осознания этого произведения.

Всякое речевое произведение, следовательно, действительно существует в том или ином акте или ряде актов речи, но каждый данный акт речи представляет собой, помимо самого соответствующего словесного произведения, также известную совокупность конкретных процессов, вся конкретность которых для данного произведения как такового несущественна [65, 8 – 9].

Следует учитывать различия семантеры «предмет» в составе гиперсемемы «объект мыслительных действий» и в категории «имя существительное».

Отображая опыт восприятия экстенционалов, гипоним «предмет» дифференцируется в составе идеографической группы «объект мыслительных действий» от других гиперонимов, куда гипоним «предмет» не входит, ср. в том же поле «мышление, мыслительные действия» идеографическую группу «понятие, идея». Как этическая единица семиологического яруса, семема «предмет» означает любой экстенционал фрагмента перцептивного мира в составе внеязыковой ситуации.

Категория «предмет» в составе единицы грамматического яруса «существительное» не имеет никакого референта и является лишь способом интерпретации как экстенционала любого референта сообщения, так что в

другом сообщении тот же референт может быть интерпретирован и как интенционал (в этом случае слово как гипоним войдет не в существительное, а другую часть речи – прилагательное, глагол, наречие, получив соответствующую «форму»).

Решая вопрос о связи подлежащего и сказуемого с субъектом и предикатом суждения, следует обратить внимание на существенные различия отношений зависимостей в логике и грамматике. В логике отношения импликации определяются зависимостями между экстенционалами, интенционалами и их выражениями; в грамматике зависимостью грамматических категорий, структурой глагольных и именных узлов в предложении в котором могут быть выражены самые различные зависимости между экстенционалами и интенционалами.

Совершенно очевидно, что предложение, как единица дискурса, не содержит субъекта суждения, имеющего своим предикатом интенционал, определяющий значения предложения. И субъект и предикат относятся к дословесному мышлению, обозначенному идеальным референтом и образующим глубинную структуру предложения. Вследствие этого отношения между подлежащим и сказуемым не являются смысловыми эквивалентами субъекта и предиката суждения в результате которого осуществляется познавательный акт дискурса. Нет никаких доказательств наличия в смысле предложения каких – либо логических операций, имплицитующих отношения зависимости между категориями грамматического яруса языка в составе предложения или даже дискурса в целом. Трудности подобной интерпретации очевидны, ибо по центральному понятию синтаксиса – предложению – удовлетворительного определения оно все еще не получило. «Мы здесь сталкиваемся с высшей степени странным и парадоксальным фактом, замеченным даже логиками: все знают, что такое предложение, но наука затрудняется определить его», – пишет А.де Грот. Но имеется и другая точка зрения, согласно которой чтобы

определить понятие предложения и исследовать содержание этого понятия следует для начала расщепить понятие предложения, так как под этот термин исследователи пытаются подвести несколько качественно разных, взаимно несводимых объектов, причем не только грамматических, но и неграмматических. Затем предложение должно быть выделено как единица грамматического яруса с позицией синтаксиса зависимостей. В таком случае предложения могут быть представленный как классы, различающиеся своими импликационными центрами, а внутри каждого класса – моделями структурного и линейного порядка и степенью интенсивностью сегментации.

Решение проблемы членов предложения, в том числе главных членов двусоставного предложения, зависит от обращения к эмическим или этическим единицам грамматического яруса. В первом случае речь должна идти о линейной последовательности лексем и синтаксических зависимостей между лексемами: речь в таком случае пойдёт о синтаксическом управлении, о согласовании и примыкании лексем в их линейной последовательности в предложении. В другом случае налицо обозначение морфемами (этическими единицами грамматического яруса) частей речи, порядковых маркеров и выразителей транслятивности. Именно на основе анализа эмических и этических единиц и строятся наиболее авторитетные синтаксические концепции, учитывающие сегментацию.

Так, с позиций подхода к членам предложения – как к этическим единицам – разрабатывает В.Г.Адмони свою теорию предложения. Его последовательно семантический подход к понятиям членов предложения развивается от второстепенных к наличию главных членов как в нераспространённом (ядерной конструкции) предложении, так и в распространённом. Иначе говоря, главные члены обязательны, а второстепенные, как правило, – факультативны. И это единственный критерий различения главных и второстепенных членов предложения. Дальнейшие различия между членами предложения сводятся лишь к

способам оформления зависимостей и примыканию, которые налагаются на категории частей речи.

Основным препятствием для семантической интерпретации членов предложения является понимание подлежащего как независимого члена предложения или даже как импликационного центра предложения. Всякая попытка такой семантической интерпретации терпит крах именно потому, что семантически подлежащее не является импликационным центром.

С учётом поправки на импликацию подлежащего сказуемым и диатезу, имеющую своим дифферентором «место» первого актанта (подлежащего), вербоцентризм можно считать отправным пунктом для понимания категорий подлежащего и сказуемого как лингвистических объектов типологии языков и контрастивной лингвистики – не только межъязыковой направленности, но и разрабатываемой в пределах одного языка.

Попытки совместить теорию подлежащего и сказуемого с семантическим анализом в терминах современной теоретической лингвистики трудно разрешимы. Под этим углом зрения следует оценивать, например, концепцию А.И. Смирницкого [63, 200], где наиболее последовательно проявляется интерпретация распространяющихся (второстепенных) членов предложения при сохранении учения о главных членах предложения – подлежащего и сказуемого. У А.И.Смирницкого дополнения есть знаки актантов, не обозначенные подлежащим («это второстепенные члены предложения, обозначающие предмет, участвующий в процессе, причем это обозначение не связано с выражением предикации»). При этом обстоятельства – это знаки сирконстантов («обстоятельство представляет собой второстепенный член предложения, обозначающий условия, в которых протекает процесс»); традиционные обстоятельства образа действия, обстоятельства меры и степени рассматриваются как разновидность определений. Определения же – это адьюнкты («для определения как члена предложения характерно обозначение признака

независимо от того, к чему этот признак относится»; причём допускается, что, наряду с атрибутивными, субстантивные члены тоже «могут служить для обозначения признака». Но в последнем случае стирается различие между обстоятельствами и определениями, так как наречия, выражающие обстоятельства, также обозначают признаки, и это сказывается на сегментации предложения в тексте.

1.2. Субъектно – предикативная основа предложения, предрасположенного к сегментации

Первым понятием, с которым следует считаться при построении не только системного, но и просто упорядоченного синтаксического описания, является понятие множественности основных единиц синтаксической системы языка, образующих в рамках этой системы ряд подсистем, каждая из которых требует собственной модели описания.

Современная модель описания предложения основана на синтезе следующих понятий:

- 1) модели предложения;
- 2) усложнения или регулярных реализаций модели предложения трансформационного ряда;
- 3) парадигмы предложения;
- 4) синтаксических процессов и синтаксической деривации.

Новым в такой системе описания синтаксиса предложения оказывается синтезирование всех названных выше понятий, распределение их по рангам и создание последовательности операций, обеспечивающей единое по своему замыслу и системное с точки зрения объекта описание простого предложения (включая и сегментно маркированную разновидность [49, 88]).

Синтаксис (как раздел грамматики) системно ориентируется на изучение структуры предложения, его грамматической организации как выражения определенного смыслового содержания.

В ряде синтаксических исследований предложение изучается как синтаксическая единица, которая, по определению Э.Бенвениста [16, 114], имеет одновременно смысл и референт: смысл, потому что несет смысловую информацию, а референт, потому что оно соотносится с соответствующей ситуацией.

Особенно распространенной в настоящее время является номинативная (денотативная) концепция семантики предложения, которая наиболее последовательно разработана в трудах Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Е.В. Гулыги, О.И. Москальской и др.

В соответствии с номинативной концепцией предложения при выявлении его формально-семантической структуры учитываются не только грамматические свойства, но и способ представления информации об отражаемом в предложении событии.

Отношение предложения к объективной действительности очень сложно, так как предложение отражает не только объективную действительность, но процесс познания ее, и в то же время опирается на исторически закрепленные языковые категории с их формами и содержанием. Мысль, заключенная в предложении, выражает связи и отношения между предметами и явлениями реальной действительности, эмоциональное модальное отношение человека к наблюдаемому событию. Качественное своеобразие «содержательной» стороны предложения создают и внутриязыковые факторы: лексико-грамматический состав предложения, интонация, экспрессивно – эмоциональные моменты.

Релевантным конституирующим признаком предложения является предикативность как соотнесенность предложения с действительностью. Приняв во внимание то, что для возникновения предикативных отношений в предложении, а, следовательно, и для возникновения самого предложения нужны не подлежащее и сказуемое, а предикативность, можно говорить об обязательном наличии субъекта и предиката предложения. Субъектно-

предикатная связь – это нечто, цельное, единый «данный семантический компонент, составляющий основу любого высказывания, воспроизведение единого референта высказывания [49, 175], предрасположенного к сегментированию.

Из многочисленных определений предикативности определение О.И.Москальской, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает языковую действительность, различие между определением и сказуемым, ибо определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его.

Предложение возникает в результате сопряжения субъекта и предиката, предизируемого и предизирующего компонентов. При этом предикат понимается как «пропозициональная функция или высказывательная функция», как особые семантические сущности языка, которые типизируются в форме «структурных схем предложения».

Отнесенность предложения к действительности происходит через посредство субъекта – субститута реального объекта. Предикат же лишен референтности, так как он обозначает признаки предметов. Субъект принадлежит миру, а предикат – мышлению о мире, сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соответствующему событию), а не к слову, его называющему.

Основанием для структурно-семантической типологии предложений может быть характер предиката (его семантика и валентные свойства), однако при этом необходим и учет взаимоотношений предиката со всеми именами. Неслучайно синтаксистами уделяется основное внимание типам предикатов, поскольку именно на типологии предикатов основана типология базовых моделей предложения. С опорой на организующую роль предиката в структуре предложения, с учетом его семантики, валентностных свойств, принадлежности к определенной части речи строится рядом исследователей

классификация простых предложений [50; 51; 59].

При этом обращается внимание на то, что типология предложений отражает типологию экстралингвистических ситуаций, поскольку предложение, именуя ситуацию, представляет ее в виде некоторого события и его участников, т.е. в виде предиката и имен предметов.

Сказуемое предопределяет количество и характер членов (актантов) в структуре предложения.

По другой теории, сказуемое детерминирует внутреннюю сущность предложения – предикативность, поскольку последняя оказывается равной грамматическим категориям времени и наклонения, выраженным формами сказуемого. Однако, считается, что предикативность как единство синтаксического времени и объективной модальности» выражается не только формами глагола – сказуемого, но и другими средствами, частности самой структурной схемой предложения.

В форме сказуемого выражено отношение связи предиката с субъектом – лицом. В сказуемом выражена проекция связи предикативного признака с его носителем. Это предполагает и формальную типовую проекцию на некоторый структурный элемент, находящийся вне сказуемого.

Отсюда очевидно, что классификация предикатов должна быть связана «с построением такой типологии описываемых ими «положений дел», в основе которой лежали бы лингвистически существенные признаки, в первую более ранних исследований, когда он считался прерогативой устной формы речи.

Однако отличительной особенностью современных работ по синтаксису является не апелляция к письменной или устной формам речи и анализ их различий, а восприятие экспрессивного синтаксиса в связи с новыми явлениями в области грамматики, в частности, принятие за основу, на которой развивается экспрессивный синтаксис, расчлененность синтагматической цепи.

Так, Н.Ю. Шведова [67, 156] относит к экспрессивным именно расчлененные конструкции или конструкции с ослабленными показателями синтагматической связанности. Экспрессивность таких конструкций, по мнению исследователей, обеспечивается стилистическим эффектом, наличие которого свидетельствует об экспрессивности в первую очередь. Лингвистами выделяются следующие виды экспрессивных синтаксических конструкций: парцелляция сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, особые случаи словорасположения и некоторые другие.

Как справедливо указывается исследователями, данными структурами не исчерпывается перечень расчлененных экспрессивных образований. Нам же представляется, что даже выделенные уже типы конструкций должны быть подвергнуты более глубокому анализу, как в плане их структурного оформления, так и в семантико-функциональном плане.

Своеобразие нашего подхода к изучению расчлененных экспрессивных структур обусловлено привлечением к их анализу отдельных положений теории речевых актов, что позволяет нам с большей глубиной проникнуть в коммуникативную сферу и выработать соответствующие модели функционирования данных структур, например, в таком виде речевого взаимодействия, как диалог.

Один из наиболее наглядных видов расчлененных экспрессивных структур – вопросно – ответные конструкции. Следует отметить, что этот разряд расчлененных экспрессивных образований (расчлененный речевой акт) не является однородным ни по формально-структурным, ни по семантико-функциональным качествам.

Первый из проанализированных нами примеров взят из диалога беседы героев романа А.Кристи («A Holiday for Murder», p.69):

'And if so', said Harry Lee, 'Then someone here in the house killed him...

But who the devil should have done it? Can't suspect the servants. Tressilian has been here since the year one. The halfwitted footman? Not on your life. Horbury, now, he's a cool customer, but Tressilian tells me he was out at the pictures. So what do you come to? Passing over Stephen Farr (and why the devil should Stephen Farr come all the way from South Africa and murder a total stranger?) there's only the family. And for the life of me I can't see one of use doing it. Alfred? He adored Father. George? He hasn't got the guts. David? David's always been a moon dreamer. He'd faint if he saw his own finger bleed. The wives? Women don't go and slit a man's throat in cold blood. So who did? Blessed if I know. But it's damned disturbing.'

Рассматриваемый нами тип расчлененной экспрессивной структуры – расчлененный речевой акт – характерен для подобного контекста с соответствующей коммуникативной целью, поскольку процесс выяснения чего – либо естественно связан с вопросно-ответными конструкциями. Данный случай является особенным, поскольку и вопросы, и ответы принадлежат одному и тому же лицу, пытающемуся методом исключения добраться до истины. Повторяющиеся вопросно-ответные конструкции по этой причине можно считать единым, но расчлененным речевым актом, в котором вопросная часть является директивом – реквестивом (побуждение к ответу), а ответная – репрезентативом – констативом (полная ответственная за истинность сказанного) или репрезентитивом – дедуктивом (предположение).

Использование подобных конструкций в художественном тексте имеет своей целью, во – первых, имитировать устный диалог с его разговорными формами речи; во – вторых, создать атмосферу поиска, неизвестности, а также отразить вербальными средствами процесс порождения мысли.

Таким образом, подобные конструкции как экспрессивные синтаксические средства являются соединением лексического повтора с синтаксическим распространением (собственное имя – местоимение) и

вопросно-ответных конструкций.

Другую разновидность расчлененных экспрессивных конструкций представляют собой утвердительно – вопросно – ответные образования, в основе которых причинно – следственные связи: '...He doesn't mention his loss to either of his two sons. Why? In my opinion because he was quite sure neither of them had anything to do with it' (A.Christie. A Holiday for Murder, p. 108).

Коммуникативная цель употребления данных конструкций аналогично той, что была установлена нами в первом случае. Однако они отличаются, во– первых, большей степенью отчужденности компонентов речевого акта, а, во – вторых, количеством этих компонентов. В этом примере вопросительная часть является сегментной.

Тип речевого акта можно определить как и репрезентатив – констатив – директив – реквестив – репрезентатив – эвидентив.

Коммуникативный подход к изучению единиц языка, т.е. рассмотрение их в аспекте выполнения коммуникативной функции, должен осуществляться, с нашей точки зрения, с учетом главенствующей роли этой функции для всей системы языка.

Указанный подход к изучению такого уровня языка, как грамматика привел ученых к выработке функционально-семантических категорий. Обоснование и изучение этих категорий позволяет лингвистам «вскрывать глубокие взаимосвязи единиц различных уровней языковой системы.

1.3. Ритмико-структурное членение высказывания и сегментация

Для изучения общих особенностей предложения и текста с позиций вводимости следует исходить из структурных данных единиц: начальной, срединных и конечной (содержащей главное фразовое ударение) ритмических групп. Это обусловлено иерархией фразовых ударений, их различной смысловой значимостью. Длительность ритмической группы зависит от позиции ритмической группы в единице более высокого порядка,

количества слогов, типа фразового ударения, маркирующего ритмическую группу и т.д.

Распределение слоговой длительности в ритмических группах характеризуется: постепенным увеличением длительности от первого слога к последнему; уменьшением длительности слогов к середине группы и увеличением длительности слогов к ее концу; чередованием долгих и кратких слогов. Равная длительность слогов наблюдается лишь в двусложных ритмических группах.

Таким образом, оптимальность характеристик актуализационных особенностей англоязычного высказывания будет выявлена лишь при условии, если исходить из следующих утверждений:

- одной из основных можно признать организующую функцию ритма;
- ритмическая организация фразы, согласно законам ритма английского языка, представляет собой, определенное временное соотношение длительности (акустической) слогов внутри ритмических групп и ритмических групп между собой, создающее эффект воспринимаемой изохронности появления ударений;

- временные отношения между ритмическими группами во фразе и между слогами в ритмической группе представлены ограниченным количеством структур, что позволяет говорить об их системном характере в англоязычном высказывании.

Исключительный интерес приобретают все те выразительные средства, которые вырабатываются в каждом языке и которые направлены на то, чтобы язык был понятен для всех и наилучшим образом служил целям взаимного общения [22, 27].

Одним из таких необходимых в языке средств является синтагма в соединении с фразовым (фразным) ударением и интонацией [72, 144 – 145].

По вопросу о ритмическом членении речи существует обширная ритмического членения в речи рассматриваются вне связи с синтаксической

и смысловой стороной высказывания [31, 72].

Приоритет в этом вопросе принадлежит Л.В.Щербе (1974), который впервые выдвинул учение о синтагме как о ритмико-семантической единице.

Каждое грамматическое целое – предложение, когда оно звучит в процессе речи – мысли, представляет собою некое ритмическое единство, более или менее сложное.

Предложение, произнесенное вслух, может ритмически расчлениваться на несколько частей при помощи физиологической паузы, которая всегда соединяется с той или иной выразительной интонацией. (Далее по техническим условиям интонацию пришлось обозначить следующими знаками: небольшое повышение тона в конце синтагмы →; падение тона в конце синтагмы ↓; стрелка, направленная вверх ↑, указывает на нарушение постепенного понижения тона внутри синтагмы сильным повышением тона).

Л.В.Щерба [68, 85] впервые указал на синтаксическую природу отдельных ритмических единиц, на взаимосвязь физиологической паузы и интонации с семантико-синтаксическим содержанием предложения.

Предлагаемый Л.В.Щербой термин «синтагма» подчеркивает синтаксическую обусловленность ритмического членения речи.

Структура синтагмы, как синтаксическая, так и ритмико-мелодическая, зависит от строя языка [74, 24 – 25]. Так, например, в английском языке, где много всякого рода служебных слов, ударением, падающим на знаменательные слова, выделяются не сами эти слова, а группы слов, состоящие из знаменательных слов. Эти группы слов и будут ритмическими группами.

Приведем примеры для иллюстрации понятия ритмической группы в английском языке.

'Have ,you ,been 'staying ,here 'long? It ,wasn't ,a 'great ,deal ,of 'trouble.

We ,did what ,we were ,told.

Ритмическая группа может совпадать с синтагмой, чаще же синтагма

состоит из ряда ритмических групп. Например, He ˌwas ˌ'tired – одна ритмическая группы, составляющая одну синтагму, равную целому предложению, но в другом случае:

A ˌwell ˌknown →'dramatist/ was ˌ'once a 'way in the → 'country/... – мы имеем две синтагмы, состоящие из нескольких ритмических групп.

Синтагма – не есть величина постоянная, она может меняться в зависимости от темпа и стиля речи. При этом возможно определить некоторую общую зависимость семантико-синтаксического строя высказывания и его мелодики.

Так, скажем, наличие в контексте высказывания семантического противопоставления обязательно, предполагает наличие ядерных тонов у основных его элементов:

What 'shocks the 'virtuous phi'losopher, / de'lights the cha'meleon ˌpoet//
(John Keats. Letter).

Мелодика подобного фрагмента высказывания в большинстве своем может характеризоваться как «нисходяще – нисходящая».

Соответственно четкую линию на восходящее – нисходящую мелодику обнаруживают фрагменты высказывания, где строевые синтаксические элементы формируют более самостоятельные по семантике синтагмы и всевозможные сегментные конструкции:

There is 'scarcely a 'poet/
Of the 'same ˌeminence,/
Whom I have 'fount it
So de↑flightful to 'read in,/
Or so 'tedious to 'read ˌthrough.//
(W.S. Landor. Conversations).

Разговорной речи свойственны более крупные ритмические членения, но чем речь медленнее и отчетливее, тем мельче ритмическое членение. Однако, конечно, есть какой-то предел такому членению. Нас здесь

интересует природа синтагмы как наименьшей возможной ритмико-синтаксической единицы в английском языке, и термин «синтагма» будет употребляться в таком смысле.

Прежде всего, нужно выяснить, может ли синтагма совпадать с предложением, т.е. иными словами – существует ли одночленные предложения. По этому вопросу Л.В. Щерба полемизирует с Грамоном [68, 122], который отрицает существование одночленных фраз.

Для английского языка можно утверждать, что тип предложения, которое нельзя разбить на две синтагмы, является чрезвычайно распространенным. Это предложение, грамматическое подлежащее которого выражено личным местоимением, не имеющим ритмического ударения и входящим в ритмическую группу в качестве проклитики, например, "He was↓ 'tired".

Впрочем, даже если бы вместо личного местоимения мы имели имя, то наше предложение не распалось бы на две синтагмы, хотя и образовало бы две ритмические группы: 'Tom was↓ 'tired.

Возьмем другой пример:

'Tom's → 'arm/ slowly re↓ 'laxed.

Это предложение распадается на две синтагмы, так как оно ритмически «тяжелее» предыдущего; здесь подлежащее, выраженное именем, имеет ударение, и, кроме того, и группа подлежащего и группа сказуемого состоят из двух элементов.

Основной функцией сегментных обособленных конструкций в английском языке является уточнение, поэтому подобная сегментная группа состоит чаще всего из трёх – четырёх слов, в состав которых входит какой-нибудь уточняющий элемент: предлог, наречие и т.п.

Сегментация очень объёмных конструкций облегчает понимание содержания, делает его наглядным. «Красота прозы лежит в её целесообразности» пишет Лео Блумфилд [18, 8].

Поэтому автор употребляет сегментные конструкции, соответствующие по своему объёму ритму всего предложения в целом. Объём обособленной конструкции зависит как от лексической наполняемости оборота, так и лексической наполняемости предложения в целом.

В основе же вышеотмеченных семантико-структурных типов сегментации, различающихся между собой по сложности объёма, лежит напряжение, которое является главной силой при создании предложения. Под напряжением лингвистика понимает такое напряжение, которое проявляется от одного члена предложения к другому. Это, прежде всего напряжение между началом и концом синтаксической единицы (предложения, словосочетания – в том числе и в обособлении) [80, 148 – 149].

Как видно, J.L.Gundel основное внимание уделяет месту актуализации напряжения (хотя, нам представляется, что сущность напряжения сложнее). Мы понимаем под напряжением организованный интерес к сообщаемому, способствующий компактному охвату высказывания. Основную функцию напряжения мы видим в организации и концентрации сообщаемого, в компактном преподнесении информации.

С целью описания сегментного напряжения практичнее рассматривать структуру синтаксического образования как два микрополя, так как напряжение проявляется в его внутреннем контексте в разных местах по – разному и не имеет непосредственного отношения к понятиям «субъект» (объект) и «объект» (эталон), употребляемым обычно при описании синтаксического образования (в том числе сегментного обособления).

Из подобной двусторонней синтаксической структуры вырастает рама, имеющая конструктивное значение для становления напряжения. Первым микрополем обозначаем первую часть компонентного выражения в порядке следования, вторым микрополем обозначаем вторую часть компонентного

выражения фразы.

Возможно и наличие в сегменте центрального компонента со своими атрибутами.

Такое рабочее обозначение двух частей рамы имеет то преимущество, что оно в большей степени приближает к истокам напряжения.

Деление на микрополя способствует анализу синтаксического образования (предложения, обособления, сравнительной или инфинитивной конструкции и т.д.) ещё и тем, что напряжение во многом зависит от порядка следования сопоставляемых частей в процессе сообщения. Каждое микрополе имеет свою дугу напряжения. Оба микрополя объединяются общим семантико-синтаксическим полем (например, сегментно-обособительным), охватывающим синтаксическую конструкцию полностью в единстве семантики и цельной выразительности образа. Его стабильность поддерживается степенью устойчивости общей дуги напряжения, не исключая структуриации на сегменты.

Выводы по 1 – ой главе

Принцип сегментности предложения в речи – одна из ведущих тенденций развития языка как знаковой системы особого типа.

Развитие лингвистической мысли свидетельствует о том, что вопросы экономии речи всегда стояли в центре внимания ученых, занимавшихся проблемами эволюции языка. При этом справедливо утверждается: эллиптичность (как проявление экономии) есть один из основных принципов разговорного текстопорождения. В процессе эллиптирования опускается всё, что может быть в высказывании опущено. Причем подобный процесс экономии действует в разговорной речи на всех уровнях системы языка. Из истории лингвистики (общей и прикладной) очевидно, что между процессами эволюции языка и экономией в языке наличествует связь и взаимозависимость. Это объективная реальность.

Тенденция к экономии языковых средств проявляется постоянно и независимо от говорящих. Но при сознательной, целенаправленной деятельности экономичность речи можно усилить даже без потери информации. Для этого надо изучить все способы сегментного сжатия текста и затем пользоваться ими. При этом следует иметь в виду, что сжатие речевой цепи – строжайшая норма, неотъемлемое, органическое свойство всякого языка в его устной форме. Естественная устная речь невозможна без такого сжатия. Владение языком предполагает владение этим способом как одним из элементов в комплексе произносительных навыков.

Сегментация – это процесс исключения какого-либо обязательного элемента из базовой структуры предложения. Выпадать может подлежащее или же сказуемое. Иногда в предложении отсутствуют сразу два главных члена предложения (= как «ядерных компонентов»).

Предложение с сегментацией – это такое предложение, позиционная модель которого выражена не полностью соответствующими словесными формами, в котором одна или несколько позиций выражены отрицательно, что подтверждается связями и формами наличных позиционных звеньев. При этом предложения с сегментацией соотносительны с полносоставными по наличию отсутствию словесной формы в той или иной позиции. Они существуют в речи наряду с полносоставными предложениями и передают содержание сообщения благодаря двум факторам – контексту и обстановке речи (ситуации).

Вместе с тем, являясь важными факторами, контекст и ситуация не влияют по – разному на структуру эллиптических предложений. Поэтому их деление на контекстуальные и ситуативные не подтверждается языковыми данными.

Предложениями с сегментацией могут считаться только такие, в которых отсутствует словесная форма в одной из главных позиций или в обеих вместе. Это очевидно, если рассматривать предложения только в

структурно – грамматическом плане, а не в собственно смысловом (в противном случае объект наблюдения выводится за область грамматики).

Таким образом, структура предложения сохраняется, хотя в нем словесно выражено лишь то, что является новым и важным в плане сообщения.

Поскольку второстепенные позиции не являются определяющими (независимыми) и не организуют структуру предложения, то их наличие или же отсутствие не может разрушить предложенческую структуру. Поэтому анализ сегментно маркированных предложений [СМП] следует строить лишь на базе рассмотрения их структурных особенностей. При таком же подходе, очевидно, что отсутствие второстепенных позиций не создает эффекта СМП и таковым будут лишь такие предложения, где одна или обе главные позиции не подтверждены словесно.

Структурная неполнота СМП является совокупным результатом ряда условий и законов, характерных для разговорной речи.

Некоторые типы моделей стабильны по своей структуре, т.е. неполносоставны постоянно или в подавляющем большинстве случаев на данном этапе развития языка (СМП назывные, СМП повелительные без подлежащего), другие – нестабильны, структура их зависит от конкретных условий протекания речи, контекста, цели высказывания и ряда других обстоятельств (это традиционные неполные предложения).

Полнота типологии СМП достигается тем, что их отбор надлежит проводить из всех фрагментов диалогической речи, каковыми являются: вопрос, ответ, первая реплика, вторая реплика (подхват, повтор, эквивалент повтора и другие разновидности), формулы, восклицания, побудительные и назывные предложения, обращения, т.е. те синтаксические, интонационно законченные единицы, которые выражают предикацию, согласие/несогласие, утверждение, отрицание, эмоциональную реакцию на факты действительности.

Классификация всего многообразия английских разговорных СМП строится на основе имеющихся в подобных предложениях членов, которые (будучи интонационно оформленными) выражают при помощи контекста и ситуации предикацию, соответствующую цели высказывания. Описание же моделей должно включать их состав, значение, способ выражения предикации и типов связей, благодаря которым содержание соотносится с выражением, поскольку возможность использования СМП в качестве коммуникативной единицы обусловлена не только его лексическим составом, интонацией и грамматической организацией его членов, но и контекстом, при помощи которого осуществляется выражение значений СМП.

Таким образом, в основе каждого типа моделей СМП лежат одинаковые 1) структура, 2) способ выражения предикации и 3) значение.

При дальнейшей же классификации СМП надлежит учитывать одинаковые типы связей между выражением и содержанием в этих предложениях.

Всякое высказывание, или синтаксическая модель, является единицей сообщения и несет в себе определенное содержание (мысль, значение, понятие и т.д.).

Содержание не является постоянной и единой величиной. Язык оперирует свойственными ему значениями, для выражения которых существуют специфические лексико-грамматические модели, относящиеся к плану выражения. Модели плана выражения будут величиной переменной.

Для проведения не общего изучения категории вводности необходимо исходить из следующих положений:

1. Семантико-структурные отношения в предложении имеют в каждом языке свои специфические особенности, диктуемые общими закономерностями его синтаксического строя.

2. Анализ структурно-смысловой организации любого предложения включает такие обусловленные основными динамическими функциями языка

аспекты, как актуально-смысловой (логическая функция) и актуально-детерминативный (коммуникативная функция).

3. Информация о семантико-структурных отношениях в предложении раскрывается с наибольшей полнотой, если исходить из вербоцентризма предложения.

4. Опора на регулярно актуализируемые семантико-структурные связи предложения позволяет выделить релевантные показатели внутрилингвистической типологии синтаксического яруса языка в соответствии с его синхронно действующим нормированным регулированием.

5. Функционирование языка обуславливается системностью, а это значит, что грамматическую форму следует интерпретировать семантически и структурно в зависимости от её места в системе форм, связанных через оппозиции отношением тождеств и различий.

6. Репрезентация формы широкой морфолого-синтаксической природы обуславливается внешней лексической дистрибуцией и особенностями условий функционирования, в результате чего формируется определённый набор типов контекстуальных вариантов (типы диктантный, эксклюзивный, длительный, завершающий, имплицитный, и др.).

7. Парадигматическое значение формы широкой морфолого-синтаксической природы является набор дифференциальных признаков (сем), обуславливающих возможность сегментного обособления какой-либо синтаксической конструкции (синтагмы, текстового фрагмента).

Глава 2

Лексико – синтаксическая сегментация в предложении

2.1. Теоретические основы сегментно ориентированного предложения

Явления экономии и избыточности в разговорной речи системно обусловлены и связаны особенностями номинации и коммуникации в ней.

Необходимость разграничения экономно-избыточных синтаксических явлений особенно ощущается тогда, когда предложение и высказывание не совпадает по объему.

Высказывание может перерасти свою структурную основу за счет различного рода распространителей (обособленных оборотов, вводных слов, обращений, атрибутивно-обстоятельственных форм обыгрывания и т.п. сегментов), а также при сложении предложений.

В других случаях высказывание, наоборот, представляет синтаксическую модель (структурную схему) в свернутом [неполном] виде с выделением водности. Тем самым оппозиция «предложение – высказывание» приобретает особый смысл: это противопоставление языковой модели (устоявшегося синтаксического образца предложения) и ее речевой (текстовой) реализации.

Принцип сегментации в разговорной речи выражается в количественном сокращении означающих элементов при сохранении содержания. Устранение обязательных компонентов и включение факультативных может привести к появлению омонимичных реализаций языковых единиц (например, предложение с одинаковым формальным составом при различии исходного структурно-семантического типа предложений).

Выбор языковых единиц для передачи того или иного содержания диктуется как причинами собственно языковыми (какие возможности предоставляет языковая система в распоряжение того, кто ею пользуется), так и в значительной мере экстралингвистическими, социальными

причинами. Кто таков говорящий (пишущий), насколько владеет он данным языком, системой его вариантных единиц, какова его социальная и психологическая характеристика, какова форма общения, кому обращено высказывание, какова его задача и стилевая прикрепленность – все эти обстоятельства определяют характер отбора языковых средств для передачи необходимого содержания.

В связи с этим возникает также и проблема оценки степени необходимости в структуре высказывания тех элементов речи, которые в нем используются. С этой точки зрения можно анализировать все языковые единицы, поскольку каждый компонент предложения (высказывания, текста вообще) в той или иной мере участвует в выполнении коммуникативного задания, однако степень необходимости различных единиц речи в структуре высказывания различна.

Оценка речевых единиц с точки зрения их информативной ценности может быть полезной в разработке признаков текстов, разных по коммуникативному заданию и способам его выражения.

В модально-оценочном отношении вводные единицы современного английского языка можно подразделить на такие сегменты, как собственно модальный, эмоциональный и экспрессивный.

1. Собственно модальный сегмент.

Эти вводные единицы обозначают логико-оценочное отношение говорящего к высказываемому с точки зрения степени достоверности сообщаемого. Кроме модальных слов, сюда входят *in all likelihood, an all probability, to all appearance(s), to be sure, no doubt, beyond (all, any) doubt, without (any) doubt, needless to say, beyond all (any) question, for sure (certain)* и т.д. Ср. в контексте: *If we failed in finding that pool of bad water. . . in all probability we must perish miserably of thirst [II, p. 142]*¹.

2. Эмоциональный сегмент.

¹ См. художественные источники в Списке использованной литературы в разделе «2. Тексты».

Эти вводные единицы обозначают

- 1) эмоциональное отношение говорящего к высказыванию,
- 2) чувства, испытываемые говорящим в связи с основной мыслью,
- 3) переживания, в плане которых описывается сообщаемое,
- 4) разные впечатления, возбужденные содержанием предложения.

В эмоциональный сегмент входят: *strange to say, no wonder, jokes start, happily, unbelievably, surprisingly, regrettably, curiously, oddly, strangely, peculiarly, ironically, seriously* и др.

Ср. в контексте: *Good . . . began to grow light – headed, and also, to my alarm, to spit blood* [IV, p. 184].

3. Экспрессивный сегмент.

Вводные единицы в функции экспрессивного сегмента обозначают способ убеждения собеседника, подтверждение истинности, достоверности или указание на сомнительность, недостоверность высказывания, утвердительность или колебание, экспрессивность изложения [придание особой значимости].

В этот сегментный тип входят: *in truth, in all candour, indeed, in(strict) fact, in effect, in reality, in point of fact, as a fact, as a matter of course, by all means, needless to say, no mistake about it, in no wise, not at all* и т.д.

Ср. в контексте: *But surely you haven't felt like that?" "Of course I have. This very night, for that matter"* [III, p. 112].

Оценочность вводных сегментов характеризуется явной системностью коннотативной семантики.

Сжатие текста, сопровождающееся сокращением заключенной в нем информации, представляет большой теоретический и практический интерес. Прежде всего, речь идет о сокращении избыточной информации, устранении случаев ее дублирования (всевозможных повторений). Это и выбор более лаконичных средств изложения.

Тенденция к устранению избыточной информации не навязывается

языку извне. Это внутреннее, естественное свойство языка, закрепленное в его системе и обеспечиваемое ею. Без способности к экономии средств выражения язык не мог бы функционировать.

Понятие системной вводности содержит указание на причину образования односоставного предложения. Это порождение законов редуцирования структурно бинарного предложения (вне зависимости от контекста). Возможно выделение и группы контекстуальных эллипсисов.

Факт отсутствия в СМП того или иного главного члена предложения говорит о том, что в нем нет необходимости в данном конкретном случае, ибо от его отсутствия коммуникация не страдает.

СМП передают в условиях речепорождения то же количество информации, что и полносоставные предложения, благодаря наличию в языке избыточности. В синтаксисе разговорного языка избыточностью является разница между возможной нормативной передающей лингвистической формой и фактической формой предложения.

В целом же, в сравнении с синтаксической эллиптичностью избыточность на уровне синтаксиса является совокупным следствием ряда факторов: конкретности тематики, частотности употребления конструкций, действия в языке аналогии и экономии, структуры языка, степени эмоциональности разговорной речи, использования и участия в речи контекста и социально – бытовой ситуации и психологических особенностей речепорождения, маркированного сегментацией.

Вопрос о правомерности отнесения обусловленных, избыточностью СМП к предложениям решается положительно на том основании, что любая неполносоставная модель снабжена предикацией, выражая определенную эмоциональную реакцию на факты действительности.

Поскольку избыточность и действие закона экономии являются неоспоримыми, постоянно действующими в языке факторами, считаем обусловленную ими неполносоставность снабженных предикацией

синтаксических структур вполне закономерной, а сами эти структуры – СМП (порождениями речепорождающей активности языка).

Экономия в синтаксисе сказывается в краткости предложений, употреблении наличных форм глагола в виде сказуемого, широком употреблении безглагольных предложений — повествовательных, вопросительных, повелительных, восклицательных (ср. *Nothing new; How long you here? Not a word about this anyone*), безличных без формального подлежащего (ср. *Time to leave*), разнообразных неполносоставных предложений (ср. *All fixed; Very late birds, those two; Presents for the kid* и др.), формульных СМП и др.

Стремление к образности и экспрессивности, наблюдаемое в разговорной речи, выражается в синтаксисе в краткости или усложнении конструирования предложения.

При изучении СМП встает вопрос о правомерности отнесения их к собственно предложениям. При этом следует исходить из следующего фундаментального положения: предложение есть синтаксическая единица, которая выражает предикацию и обладает относительной коммуникативной независимостью или же приобретает свойство предикации и коммуникативной независимости в контексте речевой ситуации.

Предикация же – это структурная характеристика предложения – совокупность категорий времени, модальности и лица.

Наиболее типичной формой реализации предикации является сочетание подлежащего и сказуемого. В зависимости от того, реализуется ли предикация в одном или в двух компонентах, различаются и структурные типы предложения.

В современном английском языке, где лицо редко выражается в сказуемом, правилом можно считать двучленные предложения, содержащие подлежащее и сказуемое. При этом эллиптическими будут только те предложения, в которых опущен элемент, непосредственно участвующий в

реализации предикации [Anything (is) wrong?].

Отсюда выбор типов СМП (как структурно-неполносоставных предложений) осуществляется путем сопоставления их с нормативным стандартным английским предложением модели SV, являющейся признанным типом для английского языка.

Критерием отнесения любой отдельной интонационно законченной языковой единицы к предложению служит выполнение ею коммуникативной функции. В СМП предикативность реализуется глаголом и интонацией, либо только (в бесподлежащно – бессказуемых) соответствующей интонацией словесного состава на фоне контекста и ситуации [и связей между (диалогическими) предложениями].

В целом же, СМП являются вариантами полных предложений, их разноструктурными синонимами или представляют стабильные типы.

Возможность использования СМП в качестве единицы речевой коммуникации обусловлена также наличием связей между структурами выражения и содержания, которые в английском языке (прежде всего в условиях диалогической речи) осуществляются в основном неморфологическими способами.

Неполносоставность разговорного предложения является совокупным результатом ряда факторов — в первую очередь это действия закона экономии. Возникновению неполноты предложения в функционально эллиптической разновидности синтаксиса языка способствует избыточность, позволяющая передать одинаковое количество информации разными вариантами предложения.

На уровне синтаксиса английского языка избыточность является следствием ряда действующих в языке факторов — наличия ситуации, контекста, конкретности тематики, структура языка (в частности, употребления отдельных единиц речи, предложений и словосочетаний), действия в языке принципа аналогии.

Поскольку избыточность и действие закона экономии являются неоспоримыми, постоянно действующими в языке факторами, полагаем возможным считать обусловленную ими неполносоставность предложений (являющихся коммуникативными единицами речи) закономерной.

Сущностной характеристикой СМП является рекуррентность. При этом разные по своим функциям СМП (прежде всего однокомпонентные предложения) могут оказаться соединёнными в один тип или, напротив, сходные по функции СМП оказываются отнесёнными к разным функциональным типам.

Особый интерес представляет рекуррентность функционального типа в целом, поскольку на фоне общей низкой (или высокой) рекуррентности большая (или меньшая) рекуррентность какого – либо одного члена данного типа может оказаться атипичной.

При рассмотрении причин низкой (или высокой) рекуррентности в рамках функционального типа необходимо учитывать и атипичные случаи в целях нахождения отличий этих СМП от типичных членов функционального типа.

Наряду с рекуррентностью СМП обладают и таким свойством готового предложения, как автосемантичность, что позволяет их квалифицировать по принадлежности к определённому функциональному типу – утвердительно – отрицательному, собственно – вопросительному, контактоустанавливающему, эмотивному, побудительному, эмоционально – оценочному, повторному, номинативному и др.

2.2. Сегментация предложения как фактор синтаксического развития языка

Для изучения лексико – синтаксической всегментации предложения следует учитывать многомерность парадигматических связей в синтаксической системе современного английского языка. Здесь действуют

сложные отношения зависимостей детерминации и интердепенденции, передающие регулярно актуализируемые связи между различными сегментами предложения управляющим (ядром) и управляемыми. Последние различаются местом, которое они занимают в иерархии зависимостей.

Наряду с этой моделью зависимостей в языке стабилизировалась и другая, в которой устанавливаются отношения детерминации не между отдельными сегментами, а между предложением в целом и отдельными его составляющими.

И наконец, выделению подлежит модель непосредственно составляющих, анализируемая как по нисходящей (от предложения к морфеме), так и по восходящей (от морфемы и предложению). Её особенность состоит в том, что здесь оказывается невозможным установить различия между односторонней синтаксической зависимостью (детерминацией) и двусторонней зависимостью (интердепенденцией), поскольку связи сегментов между собой в данной модели не получают отражения.

Первая модель, описывающая зависимость между сегментами предложения, представлена тремя разновидностями в зависимости от того, какой сегмент выбирается в качестве управляющего, т.е. структурного центра всего предложения.

Если структурным центром признается существительное, то выделяется модель синтаксиса с номинативной доминантой; если центральное положение занимает глагол. То это модель синтаксиса с вербальной доминантой: наконец. Если субъект и предикат совместно принимаются в качестве ядра предложения, то речь идёт о синтаксисе с ядерной доминантой.

Взаимная обусловленность различных сегментов предложения обуславливает его предрасположенность к компонентному сжатию.

Так, например, взаимная обусловленность переходного глагола и

дополнения подтверждается тем обстоятельством, что дополнение не может быть опущено без нарушения грамматической правильности предложения, ср.: The boy opened the door (II, p. 14); невозможно The boy opened, но: The door opened immediately, где immediately может быть легко сжато.

Отсюда в структурное ядро предложения целесообразно включать все сегменты, которые не могут быть опущенными без нарушения грамматической правильности предложения. Иначе говоря, отношения интердепенденции могут связывать не только субъект и предикат, но также предикат и объект.

Синтаксическое сжатие представляет интерес и в более широком – общелингвистическом - плане: как явление неполноты сверхфразовых единиц в свете теории языковых уровней.

Ср., образец диалогического сверхфразового единства с намеренным выделением сегментных элементов:

«But I 'm engaged to Aron».

«Engaged! Since when do children get engaged?»

«That's bad».

«Bad? Terrible!» (III, p. 122).

Подобный анализ позволяет установить, что неполнота сверхфразовых единиц может привести к изменениям в уровневой принадлежности их компонентов:

1) при снижении уровня целое функционирует как часть [например, переход с уровня словосочетания на уровень слова: бывший состав сказуемого know how («знаю как» – «лицензия»); переход с уровня предложения на уровень члена предложения, в данном случае подлежащего: They get him is enough for me («То, что они его понимают, для меня уже достаточно»)];

2) при повышении уровня имеет место функционирование части вместо целого, что связано:

а) с сегментацией, при которой функции единицы субкатегориального уровня (т.е. фразы – непредложения) может приобрести даже морфема, например:

A: Where 're you going?

B: Out.

A: Out where?;

He Said «I was seeing Granger home».

«Home?» (II, p. 52).

б) с опущением. Например, при опущении подлежащего состав сказуемого берет на себя функцию всего предложения и становится неполным предложением: Doesn't matter what language («Неважно, какой язык»).

Сверхфразовые единицы бывают неполными при опущении одной или более фраз и условно неполными, если их содержание передано косвенной (или авторской) речью.

Специфичны английские предложения с эллипсисом основного глагола в позиции после вспомогательного глагола и субъекта, получаемые в результате трансформации пропускания. Здесь выделяемы следующие виды пропускания:

1) регулярное пропускание, ср.: If you don't believe me, you will the weatherman!;

2) каузативное пропускание, ср.: I'd like to know how that thing works. It really fascinates me, but it doesn't you;

3) сравнительное пропускание, ср.: He realized he could make money in some other position than he can farming.

Правила, в результате работы которого появляются указанные виды предложений, относятся к правилам анафоризации при идентичности по смыслу. Различие между регулярным и каузативным пропусканием лишь количественное: первые - более литературные, чем вторые, которые могут

употребляться скорее в неформальной разговорной речи.

Существенное значение в плане вводной компрессии предложения и сдвигов в синтаксической иерархии членов предложения имеет инкорпорация ролевых признаков лексическим значением компонентов предложения.

Так, лексическое значение дополнения нередко обеспечивает однозначное понимание скрытого глагола, значение которого можно определить как диспозициональное, т.е. такое, которое однозначно вытекает из лексической корреляции фазисного или иного глагола и дополнения.

Таким образом, в этом случае предикат образуется в результате свёртывания двух глаголов в один: *Lane had finished to his snails* (VII, p. 88).

Отмечается такое построение дискурса, когда подлежащно-сказуемая синтагма предыдущего предложения повторяется. Будучи трансформированной. Эта трансформация состоит в замене личной формы глагола на неличную или в эллиптировании (усечении) глагола – связки в составном именном сказуемом:

Don't you think she's a bit dumb? – Lydia dumb! (VIII, p. 240). Системное описание подобных предложений возможно, если основываться на воспроизводимости их синтаксической формы и некоторой общности их значения.

При этом следует исходить из существования, так называемого плана сообщения, очерчивающего границы высказывания и определяемого до того, как можно выделить слова, которые говорящий предполагает высказать. Поэтому наиболее рационально описание, идущее от содержания к выражению. При подобном членении предложения важным является вопрос о числе получаемых сегментов, предрасположенных к вводной выделяемости.

Для обоснования же определенного членения нужно учитывать не только систему составляющих (полученных на основе коммутации), но и

систему зависимостей.

Например, следующие предложения сегментируются так: «My friend / visits /Peter» и «My friend/'visits /Peter /at his house».

От этой исходной операции анализ характера вводно ориентируемого сегментирования проводится посредством полной и неполной синтаксем, соотнесенных определенными зависимостями.

Ср. два подобных связанных деривационными отношениями предложения: «Clark hoped that he would come» и «Clark hoped to come», (III, p.128).

2.3. Предложение как тип синтаксической сегментации

Одной из важных тенденций развития современных языков (в частности, английского и др.) является тенденция к текстовому сжатию (супрессии). На это указывал еще О.Есперсен [38: 360 – 361]. Следствие этой тенденции – появление в речи многочисленных кратких предложений, состоящие даже из одного слова, многие из которых употребляется в высказывание по принципу сегментной вводности.

При этом отмечаются однокомпонентные СМП, которые неодинаковы по своей природе. Сюда включаются односоставные предложения, слова – предложения (нечленимые предложения), различные виды неполных предложений. Их объединяет такой общий признак, как однословность.

Подобное однокомпонентное предложение (ОКП) есть минимальное коммуникативное образование, которое состоит из одного слова (могущего быть частью аналитической формы) и обладает основными признаками предложения – предикативностью в плане содержания и интонационной законченностью в плане выражения, что обуславливает возможность его вводного использование в контексте.

Лингвистически интересно проследить некоторые свойства однокомпонентных предложений. В первую очередь – это рекуррентность и

способность актуализироваться по вводному принципу в качестве готового предложения (81, 100).

Под рекуррентностью ОКП понимается частотность употребления конкретных ОКП в тексте. Число повторений данного ОКП есть объективный показатель рекуррентности (P). При этом надо учитывать достаточную общность употребления соответствующего ОКП, а именно:

1) готовое предложение должно быть единицей языка (т.е. существовать на уровне предложения в готовом виде и свободно воспроизводиться в речи, т.е. о характере воспроизводимости готового предложения можно судить по его повторяемости (рекуррентности));

2) важным свойством ОКП следует считать сохранение значения в изоляции от контекста или ситуации (=автосемантичность), т.е. в подобном случае значение ОКП соотносимо с инвариантным значением языковой модели;

3) ОКП непременно принадлежит к достаточно замкнутому ряду единиц, что способствует его использованию в сегментном качестве.

Для анализа ОКП мы использовали свыше 6000 образцов подобных синтаксических сегментно используемых эллипсоидов, заимствованных из англоязычных произведений второй половины XX века (19 пьес и 6 романов). Основным методом исследования послужило структурно – семантическое описание с элементами статистического подсчета.

При определении степени рекуррентности (=частотности употребления) ОКП необходимо учитывать, что тождественные в плане выражения ОКП зачастую выполняют в речи различные функции, в том числе сегментно ориентируемые.

Ср. Подобные вводные предложения:

"What was it?" "**Parasites**" (I, p.68).

Hill. I hate royalty more than anything in the world. **Parasites** (II, p. 30).

В первом из приведенных примеров "**Parasites**" – предложение с

семантикой ответа, его рекуррентность равна в нашем материале 0; во втором "Parasites" – это предложение эмоционально – оценочного характера с показателем рекуррентности 6.

В результате проведенного таким образом анализа ОКП было установлены наиболее употребительные функциональные типы.

Ср. их перечень с учетом рекуррентности – от более частотных к менее частотным:

1. ОКП функционального типа "Yes" – "No" (порядка 30%)

2. ОКП – дополняющий или уточняющий ответ (10%):

"How is Pilar's cooking?"

Shaw. Tipped the waiter two fivers

"Average", Fernando answered

when we went in Mrs. Shaw.

(IV, p. 60)

Headwaiter (V, p 67).

3. ОКП эмотивного типа (до 9%): "Agh!", "Oh!", "What!"

4. ОКП – повторы (8%):

Steven. Someone has to stay behind (V, p. 54).

Andrew. **Behind?**

Sam. Davey – calm down.

Любая из этих конструкций может быть расширена за счет определения к тому или иному существительному, входящему в её состав. В функции определения в этих случаях выступает прилагательное, притяжательное или указательное местоимение.

Сегментное обстоятельство может быть выражено либо одним словом, либо распространением словосочетанием. Это указывает на то, что степень распространенности того или иного второстепенного члена предложения, выдвигаемая многими исследователями как основное условие обособления, не является таковым в английском языке, хотя и играет при обособлении не последнюю роль. По нашему мнению, основными условиями обособления обстоятельства является:

1) уточняющий характер его по отношению к глаголу – сказуемому и

2) его смысловая нагрузка.

Предложная группа может выражать любой тип обстоятельства. Выбор предлога определяется характером выражаемого отношения и лексическим значением предлога. Для передачи этого или иного отношения используются те предлоги, которые по своему лексическому значению могут выражать соответствующие отношения.

Это вводно маркированные предложения передают оттенки неуверенности, возможности, вероятности, эмфазы и т.д. (что наслаивается на семантику согласия или несогласия с предыдущим высказыванием или утвердительного, отрицательного ответа на вопрос).

Так, "Good – bye." // "Thanks." //"Hello." поддерживают при этом ещё требования социальных норм общения.

Перечисленные СМП (типа ОКП) стоят по степени своей автосемантической рядом с такими односоставными предложениями, как "John." // "Night." // "Come."/

Однако если для односоставных СМП можно (используя языковую модель) построить произвольный ряд ее речевых реализаций, то для вышерассмотренных ОКП подобное сделать не получится.

Скажем, считая "Yes." // "No." за модель, основным содержанием которой будет выражение положительности / отрицательности предикативной связи между элементами представляемого предложения, какие другие предложения такой модели в состоянии построить говорящий? Очевидно, что регулярно употребляемых вариантов здесь нет.

Правда, в исключительно редких случаях такие варианты все же можно найти.

Ср.: "Good – bye." → "Bye.", "Cheerio.", "Ta – ta" или же: "Hello." → "Hi!" и т.п.

Однако новые члены ряда эллиптированных предложений (ЭП) существуют в готовом виде, являются общепризнанными, но не создаются по

исходной модели говорящим. К тому это единицы высокой частотности, что говорит в пользу их языкового (а не речевого) статуса.

Приведем следующие убедительные образцы употребления подобных ЭП в сегментной функции с преимущественно большой рекуррентности:

Mrs. Show. He was always wild.

Colin. Yes (P=1007) (VI, p. 92)

Geof. Shall I put the light on?

Jo. No (P=767) (VI, p. 46)

George. Hello (P=60), (II, p.37).

Adam. I don't think you are capable of
love, are you? Eh? (P=64) (IV, p. 182).

Tiny there is a big hole the way.

Johny. What? (P=201) (VII, p.87).

Mrs. Hanker. Mr. Bland, you are
home, are you?

That doesn't answer my question "

"Oh" (P=214) (I, p.88).

Hill. Well, you can be killed. There!
Does that bring it home to you?
(P=36) (V, p.54).

Особенность воздействия обособления на читателя основывается на выделении обособленного члена из общей рамки предложения.

С окончанием предложения возникает ожидание продолжения высказывания посредством нового предложения. Внимание сразу же обостряется, если наступает не то, что можно было ожидать. Это же относится и к обособленному члену, наличие которого в предложении делает последнее осложненным и служит для того, чтобы наиболее эффективно довести до сознания читателя содержание высказывания. Благодаря обособленным членам предложения автор может выделить признаки особой значимости, свойственные определенному предмету, явлению, действию. С одной стороны, они уточняют, конкретизируют смысл того или иного члена предложения, с другой стороны, усиливают его смысловое или эмоциональное содержание.

Сегментные конструкции употребляются как связующее звено между составными частями сложносочиненного предложения, что позволяет

избежать нагромождения придаточных предложений.

Таким образом, из сказанного выше очевидно, что употребление обособленных конструкций, выступающих в функции обстоятельства, является одним из синтаксико-стилистических приёмов. Предложное сочетание в обособленном виде в функции обстоятельства не зависит от глагола и сохраняет самостоятельное значение вне контекста.

В то же время оно характеризует действие, указывая на какой-то его признак или раскрывая целый комплекс различных смысловых оттенков, признаков, свойственных данному действию. Наличие различных оттенков подчеркивается употреблением соответствующих наречий или сравнения.

И наконец, обособленные конструкции являются синтаксическим средством связи на уровне предложения. Это свойство используется в речи для связи компонентов сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, либо для связи ряда обособленных конструкций с основной частью предложения.

При этом очевидно следующее: если можно сказать *Sounds like a good idea* (I, p.83) или *What a nice speech it is!* (II, p.49), то только потому, что в языке наличествует модель полносоставного предложения *It sounds like a good idea* (III, p.82) или *What a curious shape it is!* (II, p.52).

И наоборот, поскольку в языке есть модель предложения *What a curious shape it is!* или *I can't answer (you now)* (IV, p.52), постольку предложения *What a nice speech!* и *Can't imagine why people speak against her* (IV, p.53) будут эллиптические (=неполные), что способствует их сегментности. Таковыми они будут, конечно же, не по смыслу, ибо сполна передают заключенную в них мысль, являясь особыми единицами сообщения. Неполными эти предложения» оказываются по актуализируемой структуре. Поэтому применяемый в подобных случаях термин «неполный» весьма условный и приемлем лишь с грамматической точки зрения, а не семантической.

Таким образом, неполное предложение представляет собой сугубо грамматическое понятие, не имея какого – либо отношения к содержанию, точнее к идее законченности мысли в контексте одного предложения.

Нарушения же в эллиптическом предложении базовой позиционной модели предложения допускаются вследствие того, что отдельные позиционные звенья тесно взаимообусловлены и предполагают при употреблении одна другую, т.е. одна позиция словесной формы допускает использование другой позиции какой – либо иной Словесной формы (и даже возможно вытеснение из контекста употребления всей позиционной базовой модели полносоставного предложения).

В подобных случаях сегментация и использования неполных предложений особенно очевидна. Например:

"Hallo, Jim, how is it going?"

"**Badly**" (VIII, p. 39);

"I'll wait for you" Jie said in an urgent undertone.

"In the porch" (VIII, p. 1 13).

В приведенных контекстах два выделенных предложения соотносятся с полносоставными предложениями по отсутствию словесной формы в позиции сказуемого. Рассматриваемые предложения представлены зависимыми обстоятельственными позициями, предполагающими наличие позиции сказуемого и далее (через сказуемое) и подлежащего:

в первом случае – **It is going** badly,

во втором — **I'll wait** in the porch.

По причине подобной взаимной обусловленности позиционных звеньев внутренняя связь указывает на возможное выпадение словесной формы в одном или даже в нескольких звеньях.

Кроме того, позиция словесной формы проявляется в одном или даже нескольких звеньях, определяется в предложении не только по тем данным, которые представляют одно, взятое в отдельности предложение, но и по тем,

которые представляют соотнесительные ряды разных типов предложений, то есть обуславливается уже системой языка в целом.

Отсюда отличие неполных предложений в вводной функции от полносоставных будет не в отсутствии каких – либо позиций, а в том, что они представлены отрицательно, то есть они представлены отдельными словесными формами. При этом словесная форма в какой – то позиции может отсутствовать, однако сама позиция все же наличествует.

Так, в предложении *Shouldn't think you'll last five minutes without me to explain the score to you* (III, p.84) нет словесной формы в позиции подлежащего, хотя сама позиция существует и определяет позицию сказуемого.

Соответственно в предложении *Sensible woman Lady Windermere* нет словесной формы в позиции связки, однако позиция наличествует, определяя отношение позиции именной части к позиции подлежащего.

Для толкования природы предложений необходимо использовать контекст и ситуацию, создающие условия их образования и обуславливающие саму возможность их употребления. Контекст и ситуация конкретизируют содержание соответствующего предложения. При этом они дают возможность не называть то, что уже известно из предыдущего текста.

Ср. образцы подобных контекстов:

Tape (strong voice, rather pompous, clearly Krapp's at a much earlier time)//

Thirty – nine today, sound as a bell, apart from my old weakness, **and intellectually I** have now every reason to suspect **at the ...**(hesitates)... **crest of the wave – or thereabouts** (I, p.11) →

→ Old Miss McGlome always sings at this hour. But not tonight. Songs of her girlhood, she says. Hard to think of her as a girl. Wonderful woman though – Connaught, I fancy (I, p. 12).

Или: **Very softly**. Go very softly (II, p. 135).

Кстати, следует учитывать различие между контекстом и ситуацией.

Дело в том, что контекст есть языковой фактор, а ситуация – неязыковой. Поэтому в ситуации не названная в предложении словесная форма вообще лишена словесного выражения, о чем А.М. Пешковский [55, 126] говорил, так: «Здесь нет никакого умолчания, никакого намеренного пропуска слов... Во всех таких случаях говорящий не представляет себе опущенных слов, не вспоминает их потому, что они ему не нужны».

Ср. нижеследующий развернутый текстовый фрагмент:

Rycker's voice said, "He laughed at me. How dare he laugh at me? " The doctor said to Brother Philippe, "I have his head. Can you find his legs? We've got to get him inside". He called to Rycker, "Put down that gun, you fool, and help!"

"Not at Rycker", Querry said. The doctor leant down closer: he could hardly hear him. He said, "Don't 4 speak. We are going to lift you now. You 7 / he all right".

Querry said, "Laughing at myself" (VII, p. 110).

Но отмеченные выше различия между контекстом и ситуацией не имеют значения, если речь идет о структурных особенностях предложений, ибо подобные различия не сказываются на их структуре, не приводят к каким – либо изменениям в типах вводно маркированного конструирования.

Как односоставное, так и неполное предложения могут быть связаны подчинительной связью с безглагольным высказыванием, стоящим справа от них:

"Excellent taste", said Sir Henry. – "Especially in putting men first" (II, p. 203)

A little cupboard place – kind of niche. About a foot square, sir. Not more than that (II, p. 1 10).

– By the way, Mademoiselle, have you made a will?

– Yes, I did. About six months ago. Just before my op.

– Your op?

– Operation. For appendicitis (II, p. 38).

Безглагольное высказывание, стоящее справа СМП, может быть также односоставным или двусоставным безглагольным предложением:

His eyes went on to Hester. A pretty child. Something lawless und wild about her (VI, p. 93).

Not a word to anyone and his family a lot of nephews and nieces, full of expectations (V, p.202).

В этом случае синтаксические связи выступают не на уровне словосочетания, а на уровне предложения.

2.4. Эмоционально – оценочные функции сегментно маркированного предложения (СМП)

Среди предложений английского языка несколько особняком стоят предложения типа *The irony!* / *The irony of*, которые выделяются как спецификой значения, так и некоторыми особенностями грамматического оформления. Эти предложения обычно эмоциональны и имеют отчетливо выраженное значение оценки.

Замечание об эмоциональном характере этих предложений находим у П. Кристоферсена (76, 113), а также у О. Есперсена, который приводит в числе прочих предложения такого рода, как и аморфные, т.е. представленные одним членом и употребляющиеся преимущественно в эмоциональной речи (38, 105 – 106).

Такие предложения иногда относят к неполным (38, 360 – 361), что, однако, вряд ли логично. Слишком неопределенно, расплывчато то, чего «недостаёт» в таком предложении и что могло бы быть восполнено.

Так, предложение О. Есперсена *The callousness of it!* можно было бы представить не только как, например: *The callousness of it **makes me (us, one) mad!*** (если, как утверждает автор, опущен конец предложения), но и как: **Think** of callousness of it! В некоторых же предложениях добавление или восполнение «недостающих» членов было бы совершенно произвольным.

Иными словами, неясен тот образец полного предложения с которым всегда сопоставлялось бы предложение типа *The irony (of it)*, т.е. нет именно того условия, которое позволяет считать предложение неполным.

Предложения такого рода образуют в позиции вводности вполне отчетливо очерченную группу среди именных односоставных. Неотъемлемой частью таких предложений является определенный артикль или указательное местоимение при главном члене.

Роль главного члена предложения может выполнять любое существительное, абстрактное или конкретное: "*The great tumbling, roaring vastness of this*", I cried in my mind (IV, p. 18). "*What a lot of walls to this place*", she said, but I said nothing. "*Oh, the walls in this place*", she said, again (IV, p.61)

Существительное – главный член обычно не употребляется в общем смысле в отличие от главного члена так называемых номинативных предложений, для которого такое употребление характерно.

Уточнение значения главного члена – абстрактного существительного происходит различными путями. Значение существительного может уточняться в контексте: "*Oh*", the Jefe moaned from the chair, "*the pain, the pain*". (V, p.281). Ситуация – действие происходит в зубо врачебном кабинете – позволяет раскрыть значение слова **pain** 'зубная боль', испытываемая в этот момент пациентом. Значение абстрактного существительного конкретизируется также путем соотнесенности с членами других предложений: Don't talk to me about **the country**. The doctor said I was to go there for six weeks last summer. It nearly killed me, I give you my word. **The noise of it** (VIII, p. 152). Конкретное значение существительного *noise* выясняется из предыдущего предложения.

Существительное — главный член может иметь определение (иногда в виде определительного придаточного предложения): Oh, my God, I have to go to the dentist to – morrow. Oh, the shopping **I have gone through with my teeth**

(II, p. 130). Oh Got, he thought, the decisions you force on people, suddenly, **with no time to consider** (III, p. 264).

Конкретизирующее определение при главном члене – абстрактном существительном обычно постпозитивно: Oh, the pain **in her heart**, and the fear! She could have screamed (IV, p.89). Реже встречается определение в препозиции, как правило, описательное: He could see at once that the genus was altogether a new one. And the **insufferable** scent! How hot the place was! (I, p.84).

Характерным является определение, выраженное именным сочетанием с предлогом of. Это определение бывает только ограничительным: The rapture of **raspberries and cream**, the horror of **fish**, the hell of **castor oil**! And the torture of having to get up and recite before the whole class! The inexpressible joy of sitting next to the driver... (G.G., p.27). She could think of him now with indifference. She loved him no longer. Oh, the relief and the sense of humiliation! (VII, p. 160).

Для предложений с главным членом — конкретным существительным постпозитивное конкретизирующее определение не характерно: такое существительное само по себе достаточно конкретно и не требует дополнительных показателей конкретизации: Miss Wilmarth gave a little squeal at the sight of them. "Oh, the darlings!" she cried (VIII, p. 152). "What a picture!" cried the ladies. "Oh, the ducks! Oh, the lambs! Oh, the sweets! Oh, pets!" (VII, p.53).

Наличие определения при главном члене — конкретном существительном, разумеется, не исключается. Обычно это описательное определение в препозиции: The **dirty** dog (I, p.241).

Конкретные существительные в роли главного члена могут быть эмоционально окрашены (darling, pet) и могут сопровождаться определением эмоционально – оценочного характера. Эмоциональная насыщенность предложения зависит, однако, не только от его лексического состава. Все

предложения этого типа в той или иной степени эмоциональны, что обычно легко обнаруживается в контексте: **The children, mother, the children!** When I saw them this morning, I could feel myself coming alive (II, p. 195). 'Какие дети, мама, какие дети!' "She loves me so much and she waits ". He shifted his fat thigh and said, "**The pureness of that love**", and wept (IV, p.55) 'Как чиста эта любовь!'

Эмоциональность таких сегментно маркированных предложений иногда подчеркивается их восклицательным характером. Возможно также наличие лексических показателей эмоционального характера предложения, к которым в первую очередь следует отнести междометия: **Oh**, the peace of that moment! (VIII, p. 196). **Oh**, the fool she had been (IV, p. 196).

На эмоциональность предложения могут указывать и слова, вводящие или заключающие прямую речь.

Значение оценки, присущие сегментно маркированным предложениям (и отчасти эмоциональный характер), связано и с обязательным наличием перед существительным определенного артикля, который здесь приближается по значению к указательному местоимению; причем и местоимение и артикль обычно не имеют при таком употреблении чисто указательного значения, не обозначают 'тот самый', 'этот самый'.

Указательное значение местоимения и артикля отступает на второй план, сохраняясь лишь в очень общем виде и уступая место эмоционально – оценочному значению: I'm exhausted. Yes, it's been very successful. But oh, **these parties, these parties!** Why will you children insist on giving parties? (I, p.69). [Имеются в виду приемы гостей как один из видов развлечений]. Роль указательного местоимения заключается здесь в указании на отношение говорящего к предмету, на оценку говорящим этого предмета.

Об эмфатическом употреблении указательного местоимения в английском языке упоминается в трудах по грамматике.

Возможность параллельного употребления определенного артикля и

указательного местоимения при существительном – главном члене подтверждает сходство их значения: "There was a time", he said ... "years ago, when I totally lost my head about her Totally". **Those** tear – wet patches on the pillow, cold against his cheek in the darkness; and oh, **the** horrible pain of weeping, vainly, for something that was nothing, that was everything in the world! (III, p.85).

Несмотря на близость значения, выбор определителя (артиклъ или местоимение) может быть обусловлен контекстом. Так, в следующем предложении при существительном – главном члене употребляется артиклъ: "Oh! The woefulness of that return!" he murmured (I, p.30). Два указательных местоимения (при определении и определяемом) вряд ли были бы уместны стилистически.

В целом, значение предложений такого типа можно было бы определить как эмоционально – оценочное, причем значение оценки обычно преобладает, если предложение относится к настоящему или совпадает с моментом речи (если оно представляет собой прямую речь): What an expression, Sheila! Really, the things your girls pick up these days! (VIII, p.69). He appeared in the doorway ... "Booted and spurred! — the energy!" he cried (VII, p.53). Всё предложение приближается по значению к предложению с восклицательным what (ср.: What energy!).

Очень часто данная разновидность предложения употребляется в плане прошедшего (обычно в воспоминаниях): When had he known himself of interest to her — the second night, the third? The look in her eyes! The pressure of her arm perchance to dream. The privilege **of it!**" (VI, p. 131). При факультетом употребление опущение **of it** может несколько изменить эмоциональную напряженность предложения.

Наряду с определением **of it** возможно определение **of the thing**, напоминающее неопределенность значения местоимения: The idea of his not opening his mouth sooner – the criminality of the thing! (IV, p.246). В отличие

от **of it** определение **of the thing** встречается лишь в единичных случаях.

Итак, в целом для вводно маркированных предложениях данного типа характерно местоимение оформление (определенный артикль, указательное местоимение определение of it).

Обязательная конкретизация существительного – главного члена и значения оценки передаваемого с помощью формальных элементов, отличают эти предложения от других именных односоставных.

Эмоциональная насыщенность предложения выражается в основном интонации, а также лексически.

При грамматическом оформлении предложений данного типа происходит вторичное сближение артикля и местоимения в области синтаксиса, причем и артикль и местоимение выполняют особую роль в оформлении предложения.

Если в СМП отмечается тенденция к вытеснению автосемантической синсемантической (что бывает, когда актуализируемая информативность проходит в большей мере на контекст или же обуславливается ситуацией), то это приводит к уменьшению степени предсказуемости СМП, т.е. тогда потенциально уже не существует условий для рекуррентности.

С точки зрения обеспечения оптимальной коммуникации особую значимость имеют следующие речевые функции компонентов допускающих водность высказываний – подготовка основы, базы сообщения, создание коммуникативного напряжения в высказывании (опорная часть); снятие коммуникативного напряжения, указание на коммуникативный центр высказывания, оценка ситуации, названной в опорной части, передача различных эмоционально – экспрессивных значений (эллипсис).

Таким образом, лингвистическая сущность СМП заключается в том, что оно является минимально конструктивно и коммуникативно законченной синтаксической структурой, предикативность которой ориентирована на контекстную актуализацию.

СМП, присущие языку, устанавливаются либо свертыванием полносоставных предложений до не подлежащих дальнейшей редукцией частей, либо вычленением (в результате сопоставления) общих минимальных составов из некоторого множества предложений.

СМП, должно сохранять в неизменном виде базовой фрагмент исходного компонентно распространенного предложения, а также структурные и лексические характеристики составляющих его компонентов.

Иначе говоря, выделение СМП как особого структурного типа следует вести с учетом эксплицитной выраженности одного из главных членов предложения, ибо тип предложения определяется, в конечном счете, по характеру, взаиморасположению и способам выражения именно своих главных членов. Отсюда при такой трактовке СМП классификация их ведется ещё и по отсутствующим главным членам, восстанавливаемым по контексту и в сравнении с полносоставными аналогами.

Соответственно при выделении СМП надлежит решать и вопрос об их лексической и структурной законченности (полноте). В качестве СМП признаются лишь структурно обусловленных синтаксических позиций.

СМП подразделяются на синтагматически и парадигматически восполняемые.

Синтагматически восполняемые СМП характеризуются тем, что в них неполнота восстанавливается из контекста (предыдущего или последующего): *How were the races? Fine.*

Парадигматически восполняемые СМП восстанавливают отсутствующие члены на основании обращения к синтаксически полносоставным аналогам, которые вообще отсутствуют в данном конкретном тексте: *Early morning. (It's early morning).*

Тем самым СМП – это синтаксические единицы, которые имеют собственные особые черты, позволяющие их считать самостоятельными единицами анализа синтаксического уровня языка, а собственно

синтаксическая водность – это способ передачи косвенным путем, т.е. способ, который позволяет передавать содержание синтаксем без использования самих этих синтаксем в речевой цепи.

Этот способ обуславливается действием следующих факторов:

1. Поскольку все предложения (высказывания, сообщения) структурны, наличие в них одних членов может предполагать наличие других. Поэтому, если данный член имплицитруется другими членами, его наличие (как переменной) очевидно и без соответствующей синтаксемы.

2. Все цельные объекты информации (факты десигнаты) тоже структурны. Их интерпретация начинается с описания элементарных десигнагов.

Выводы по 2 – ой главе

Сегментное сжатие предложения (или высказывания), сопровождающееся сокращением в тексте заключенной в нем информации, представляет большой теоретический и практический интерес. Прежде всего, при сегментации речь идет о сокращении избыточной информации, устранении случаев ее дублирования (всевозможных повторений). Обычно выбор более лаконичных средств изложения, опирающихся на средства внешнего контекста.

Тенденция к устранению избыточной информации не навязывается языку извне. Это внутреннее, естественное свойство языка, закрепленное в его системе и обеспечиваемое ею. Без предрасположенностью к сегментной экономии средств выражения язык не мог бы функционировать.

Тенденция к сегментной экономии языковых средств проявляется постоянно и независимо от говорящих. Но целенаправленной деятельности сегментную экономичность речи можно усилить даже без потери информации. Для этого надо изучить все способы сегментного сжатия текста и затем пользоваться ими. При этом следует иметь в виду, что сегментное

сжатие речевой цепи есть норма, неотъемлемое, органическое свойство всякого языка в его устной форме. Устная речь невозможна без такого сжатия текста, что актуализирует сегментное структурирование высказывания.

Сегментность – это процесс исключения какого-либо обязательного элемента из базовой структуры предложения и последующий перенос его в тексте. Чаще выпадать может подлежащее или же сказуемое. Иногда в предложении отсутствуют сразу два главных члена предложения (= как «ядерных компонентов»).

Сегментно маркированное предложение – это такое предложение, позиционная модель которого выражена не полностью соответствующими словесными формами, в котором одна или несколько позиций выражены отрицательно. Это подтверждается связями и формами наличных позиционных звеньев. Причём сегментно маркированные предложения соотносительны с полносоставными по наличию/отсутствию словесной формы в той или иной позиции. Они существуют в речи наряду с полносоставными предложениями и передают содержание сообщения благодаря двум факторам – контексту и ситуации в речи. Вместе с тем, являясь важными факторами, контекст и ситуация не влияют по-разному на структуру СМП. Поэтому деление сегментных построений на контекстуальные и ситуативные не подтверждается языковыми данными. В целом же, сегментно маркированными предложениями могут считаться только такие, в которых отсутствует словесная форма в одной из главных позиций или в обеих вместе.

Итак, предложение английского языка предрасположено к внутрискруктурному сегментированию. Его ядро составляют всевозможные вводные слова, вводные сочетания слов и даже вводные предложения. Все они объединяются одним наименованием – вводная единица. Для многих из них характерна модальность в широком смысле слова, т.е. способность

передавать отношение говорящего к акту коммуникации.

Сегментные [вводные] единицы – это единицы функциональные, которые не предполагают каких-либо морфологических ограничений. Именно поэтому они могут быть выражены не только словами, но и различными сочетаниями слов и предложениями.

Сегментные [вводные] единицы, представленные довольно устойчивым арсеналом грамматических построений:

- 1) модальными словами;
- 2) предложенческими наречиями;
- 3) изредка сложными наречиями [anyhow, anyway];
- 4) предложно – именными сочетаниями нередко с распространителями [in fact, in all probability];
- 5) абсолютными инфинитивными обобщённо – личными конструкциями с возможным правым развёртыванием глагольных зависимостей [to be sure, to cut the long story short];
- 6) абсолютными причастными обобщённо – личными конструкциями [properly speaking, all things considered];
- 7) глаголами в императиве [pray];
- 8) придаточными предложениями [as I think, if I am not mistaken];
- 9) изредка именной группой [no doubt, no mistake about it];
- 10) союзными сочетаниями с именем [as a rule, as a matter of course];
- 11) сочетаниями, объединёнными сочинительными союзами [still and all, really and truly];
- 12) самостоятельными предложениями, относящимся к плану выражения, которые одновременно являются вставками, например; But he himself was not that kind of person that Mr. Tarvin – it is his own phrase – wished to have associated with the school [III, p. 91];
- 13) словами и звукосочетаниями, которые трудно идентифицировать в терминах частей речи [ср. например: please, well].

Глава 3

Лексико-синтаксическая сегментация в тексте

3.1. Сегментное сжатие в тексте

Человеческому мышлению, а следовательно, и языку свойственно стремление к экономии усилий, к суммированию, к обобщению отражаемых событий. Поэтому при описании подобных ситуаций элементарные мысли и выражающие их элементарные предложения могут тем или иным способом сжиматься или перекрываться, а также обособлять всевозможные вводные элементы.

Сегментное сжатие текста обеспечивается опорой слов – заместителей на замещаемые ими полнозначные слова. Эта опора оказывается возможной благодаря расположению последних в ближайшем контексте – в предыдущем элементарном предложении. Ср. подобный тип замещения: **Tom** did play hockey and **he** had a very good time (III, p.101). **This boy was well dressed? Too well dressed on a week – day. This** was simply astounding (III, c 104).

В двух микроситуациях между разными парами объектов может отмечаться одинаковая связь. Здесь не редко используется способ опущения сегментной разновидности.

При сегментном опущении нарушается структурная целостность второго элементарного предложения, хотя его структурная самостоятельность сохраняется. Семантическая же самостоятельность, как и при замещении, снижается. Ср.: One needle carried white thread and other black (III, p.1 10).

В двух микроситуациях одинаковыми оказываются оба объекта, а разными – связи между ними. Оба предложения можно слить в одно, где объекты называются только один раз, но указываются обе связи между ними. Использованный здесь метод сжатия текста называется совмещением. При совмещении нет никакой утери семантической определенности и не

нарушаются ни синтаксические связи, ни структура результирующего предложения, хотя последняя несколько усложняется и видоизменяется. Ср. сочетание замещения с опущением в вводном обособлении:

Is Jane at home?

Yes Jane is at home (IV, p. 138).

В обычной речи эти обособляемые микроструктуры будут сжаты следующим образом:

Is Jane at home? — Yes she is.

Во втором предложении существительное **Jane** замещено местоимением **she**, а обстоятельство места **at home** опущено.

Сочетание совмещения формируется и с опущением: The moon rose red (VIII, p. 144) [The moon rose + The moon rose was red].

Итоговое предложение – результат совмещения двух элементарных предложений с опущением некоторых элементов (опущен глагол – связка **was**). В целом, же вводно ориентированное сегментирование предложение имеет схему. Это бинарная конструкция, которая возникает при следующих условиях: а) при наличии двух сочиненных членов, соотнесенных с одним общим членом, б) при наличии отношения противопоставления или сопоставления между этими членами. В качестве общего члена может выступать существительное, глагола, глагольная синтагма и т.д.

Если смысловые компоненты повторять в то же словесной форме, то это и неэкономно и монотонно. А если возникает необходимость вернуться к мысли, оформленной длинным фрагментом текста, то дословное повторение оказывается и трудным, и нецелесообразным во всех отношениях.

К словам, используемым для замещения предыдущих отрезков речи, относятся полнозначные слова (собственно синонимы и синонимы контекстуальные). С их помощью можно обозначить один и тот же объект мысли разными формальными средствами, добавляя при этом новые оттенки смысла. В этом добавлении и заключается экономичность замещения

полнозначными словами, ибо в случае дословного повторения ранее высказанной единицы смысла для передачи информации, которую можно было бы выразить полнозначном заместителе, требуются дополнительные высказывания.

Замещение одних отрезков другими при повторном обозначении одних и тех же объектов мысли обычно называют анафорическом, хотя в речи в некоторых случаях вначале может стоять слово – заместитель, а потом речевой отрезок, раскрывающий содержание обозначенной заместителем мысли.

Причём часть предложения зачастую представляет некоторое текстовое целое. Например:

«Yes» said Soames, «leave him to me».

«I shall be very glad to» (VIII, p. 165);

«But I don't intend to take advantage of you my dear Eliot. Indeed I don't» (VI, p. 171);

«I want to pay my share», she said.

«No you can't. I asked you to come out».

I can. I shall (VII, p. 140).

Особенно активны в этой функции приводящие к вводному сегментированию всевозможные реплики присоединения. Ср.:

«And I will be glad to see the last of Pine Ridge!»

«So will I» (II, p. 144).

Вместе с тем, нередко можно встретиться со случаями употребления заместителей, когда последние не соотносятся с каким бы то ни было отрезком речи – предшествующим, ни последующим. В таких случаях заместители могут указывать:

1) не на реальные экстралингвистические объекты мысли, а не формальные интралингвистические единицы – на формальные подлежащее или на формальные обстоятельство. Они замещают отсутствующие члены

предложения. Такое использование слов – заместителей является нормой для английского языка.

It is getting dark (II, p. 190).

It started snowing (III, p. 161).

There is a book on table for you (IV, p.266).

It is pleasant to walk here (V, p. 301);

2) на реальные, но весьма неопределенные экстралингвистические объекты:

Somebody came to see you (VI, p. 100).

I wanted to show him **something** (VII, p.409).

Все заместители с синтаксической нагрузкой (соотносительные слова, союзные слова, формальные заместители и неопределенные местоимения) не способствуют сегментному сжатию текста. Их существование и функционирование в языке как заместителей определяется, прежде всего, нуждами грамматики, а не лексики. Тем не менее, их использование в языке отвечает требованиям закона экономии: эти заместители кратки и во многих случаях опускаются:

I know the house in which he lives = I know the house he lives in (VIII, p. 117).

It is time to educate yourself, I suppose = Time to educate yourself, I suppose (VI, p. 130).

Существует ещё один сегментный вид замещения, которое можно назвать. Как и замещение формальными и неопределенными заместителями, не анафорическим. Но в отличие от последнего это замещение применяется непосредственно как способ сжатия текста. Оно осуществляется в процессе работы над уже готовым текстом, при его переработке и редактировании.

Частично такое сегментное замещение имеет место и в момент речи, когда человек или мысленно перебирает слова и выражения, прежде чем высказать их вслух, ли поправляет свою речь после того, как уже что – то

сказал. Смысл этого замещения состоит в выборе самого короткого из множества семантически равноценных отрезков речи:

to listen to the radio = to listen in

not to be at home = to be out

to be at home = to be in

at the present time = at present

for the first time = first

the English language = English.

Нередко одна и та же элементарная мысль может быть выражена целым рядом различных по длине, а также по смысловым и стилистическим оттенкам предложений:

I watched the sun as it was rising. → I watched the sun rising. → I watched the sunrise.

It is possible that the boys have gone to the park. → It is possible the boys have gone to the park. → The boys have possibly gone to the park. → The boys may have gone to the park. → The guys must have bolted to the park.

Экономичность каждого из приведенных вариантов одного и того же сообщения зависит не только от внешней длины речевой цепи, но и от принадлежности варианта к одному из трех стилей: книжному, разговорному и фамильярному (или просторечному). Высказывания, стилистически окрашенные – книжные или фамильярные, – несут больше информации, чем стилистически нейтральные, так как кроме обычной предметной информации в них содержится отношение говорящего к описываемым событиям и характеристика самого говорящего. Стилистически удачное сообщение позволяет очень экономно передать большой объем информации.

Если учесть семантическую сторону замещения в СМП, то зачастую здесь используются слова с обобщенным значением в место слов (и конструкций) с конкретным вещественным значением, которое ранее упоминалось в контексте реализации. Тем самым структурно –

функциональное назначение подобных элементов выражается как синтаксическая прономинализация.

Ср. образцы СМП, где такую функцию выполняют замещающие слова **one, do, so, not, it:**

This week, Mog noticed, one of the cabinets was given over to a display of opals. Set in necklaces, ear – rings, and brooches they lay, black ones, and white ones, dusky ones, flecked with blue or grey patches, and glowing water opals like drops of water frozen thick with colour. The other cabinet was full of pearls, the real ones above, the cultured ones below, and worked golden objects, seals, rings, and watches (III, p.59);

He was sixty, but he did not look it (II, p.8);

Ought the Wilcox's to have offered their home to Margaret? I think not (I, p.94).

Have the private emotions also their gutter press? Margaret thought so, and feared that Aunt Juley and Frieda were typical specimens of it (I, p.60).

"I suppose you think I'm very brazen. Or tries foe. Or something".

"Not at all". She seemed disappointed.

"Yes, you do. Everybody does. I don't mind. It's useful" (IV, p.22).

Сфера действия замещения не распространяется на внутреннюю структуру слова: оно не возможно между частями слов, так как синонимия среди них очень незначительна и подвержена большим ограничениям.

3.2. Анафорическое и неанафорическое сегментирование

В некоторых текстовых отрезках речи отмечается выпадение (опущение) их определенных фрагментов (как повторяющихся, так и неповторяющихся). При этом оставшиеся элементы сегментно ориентируемых предложений будут достаточными для реконструкции базовой полносоставной формы трансформированного предложения.

Например, в конце предложения He wanted to speak but didn't dare to (II,

р. 144) опущен глагол *speak*, так как он уже был употреблен в первой части предложения и поэтому легко восстанавливается. А в предложениях – *At what time do you get up? – normally (get up at) about seven (o'clock)* опущены повторяющиеся элементы *I* и *get up* и, кроме того, нормы языка позволяют опустить и некоторые повторяющиеся элементы – *at* и *o'clock* – без ущерба для смысла предложения.

Опущение может быть анафорическим и неанафорическим.

Анафорическое опущение отрезков речи, которые только что были высказанные языковые единицы (антецеденты) и на остающиеся после опущения члены данного предложения (слова – представители), которые своими лексическими значениями, грамматическими формами и взаимным расположением дополнительно указывают, какие слова опущены.

Неанафорическое опущению – это опущение слов, объяснимое историей языка:

He is come at five o'clock (VIII, p. 16) ← *He is to come at five of the o'clock*;

He is stopping at his uncle's (III, p.24) ← *He is stopping at his uncle's place*;
или формально – грамматическими закономерностями современного языка:

No rose without thorns, as you know, my dear (IV, p. 16) ← *There is no rose without thorns*;

или его логико-семантическими закономерностями:

She will be eighteen at Christmas (V, p. 16) ← *She will be eighteen years old at Christmas*.

Неанафорическое опущение вызывается только стремлением к лаконичности.

Возможность неанафорического опущение обеспечивается опорой на ситуацию в широком смысле и на слова-представители, которые обладают достаточной информационной избыточностью (как лексической, так и

грамматической), чтобы указать на факт опущения и дать другую информацию, способную восстановить в сознании слушающего или читающего опущенный отрезок речи:

heart made of stone = heart of stone

house built of stone = house of stone

night spent the island = night on the island.

В речевой цепи опускаться могут как отдельные слова и словосочетания, так и целые предложения:

Do you speak English? – Yes (I speak English).

В случае опущения части предложения словами – представителями являются, как правило, оставшиеся компоненты словосочетаний (атрибутивных, предикативных, комплетивных); большую роль при этом играет не только их лексическое значение, но и их структурные свойства.

Например, в следующих примерах словами – представителями являются:

а) определения:

I shut one eye and tried to examine it with **the other** (I, p. 147);

б) подлежащее:

Who was called? **Lord Darlington**, My Lady (III, p.248);

There was cheer in every face and **a spring** in every step (V, p. 160);

в) служебная часть сказуемого:

Of course, I was influenced by my mother. Every man is, when he is young (VIII, p. 179);

г) именная часть сказуемого:

When asked the same question, he didn't know what to say either (I, P – 198);

Even when **a small boy**, he was always trying things (I, p. 198);

д) второстепенные члены предложения;

Are you coming? **In a few** moments (II, p. 104).

В случае же опущения целого предложения, функцию представительства выполняют обычно слова, не входящие в состав предложения, например: **certainly, yes** или частицы **only, even**. Своим лексическим значением они подсказывают. Какой смысловой компонент диалога или рассуждения опущен:

Will you ask them call my carriage? **Certainly** (VIII, p. 302);

Only he knew it = Nobody knew it. Only he knew it (I, p.48);

Even he knew this = Everybody knew this. Even he knew this (II, p. 109);

Как видно, опущение как синтаксический процесс основывается на обязательном окружении. Именно обязательно-дистрибутивные отношения между двумя и более элементами предполагают опущение одного из них. Направленность сохраняющегося элемента СМП позволяет опускать элемент, который является объектом направленности. Последний семантически и функционально может восстанавливаться на фоне СМП позволяет опускать элемент, который является объектом направленности. Последний семантически и функционально может восстанавливаться на фоне СМП благодаря опоры на контекст. Ср.:

"Dear Mr. Griffiths: Thought you might like to come " (II, p.388).

В устной речи возможно опущение отдельных звуков и их комбинаций внутри, в начале и в конце слов, приводящее к их слиянию, например служебных глаголов с подлежащим: It's delicious! (I, p. 10). I've done it (II, p. 102). I'll do it (III, p. 129) или с отрицательной частицей: / haven't phoned yet (VIII, p.214). Obviously, I shan't go there (VII, p. 18). It won't do. Mother will never allow (V, p.201), а также приводящее к другим видам редукции.

В сегментировании текста возможны случаи наложения друг на друга предложений с семантико-структурной тождественностью. Ср. следующий типичный образец:

He loves, and is loved by **his pupils** (I, p.204) ← **He** loves **his pupils** and **he** is loved by **his pupils**.

Здесь в реконструированной базовой полносоставной конструкции тождественные части *he* а *his pupils* не повторяются, а тождественные оказываются на положении однородных членов и стоят рядом, соединяясь союзом *and*.

Совмещение всегда анафорично: слияние предложений, не имеющих тождественных членов, невозможно.

Совмещение, как и опущение, можно назвать синтаксическим способом сжатия текста в отличие от замещения, которое является лексическим способом. При замещении вводятся новые лексические единицы вместо замещаемых, тогда как при опущении и совмещении лексический состав предложений не меняется; изменяется только синтаксическая структура предложений.

Опущение и совмещение различаются по характеру сжатия элементарных предложений. При опущении они высказываются последовательно с опущением повторяемого компонента во втором из них:

You're a type. — You're another (I, p.318).

При совмещении элементарных предложений воспринимаются не как структурно отдельные и последовательные, а как бы накладываемые друг на друга. В полученной осложненной конструкции тождественные компоненты высказываются только раз, сливаясь в один с сохранением одновременной двойной, тройной и т.д. связи с нетождественными компонентами слитного предложения следует друг за другом: в языке, ввиду его линейного характера, нельзя иначе выразить мысль даже об одновременно отражаемых сознанием связях.

В живой речи встречаются оба варианта выражения нескольких последовательно отражаемых связей с одним и тем же компонентом — как с повторением этого компонента для выражения каждой связи отдельно и получением нескольких последовательных предложений, так и с высказыванием тождественного компонента только один раз и

перечислением индивидуально связанных с ним нетождественных компонентов в рамках единого слитного предложения. Например:

He had several warts and he was self – conscious about them. They were embarrassing and offensive to him – (II, p. 129). // «У него было несколько бородавок, и он их стыдился. Они стесняли и оскорбляли его».

Первое из этих предложений (сложносочиненное) состоит из двух элементарных предложений, первые компоненты которых тождественны. Благодаря этому оба предложения можно слить в одно с нетождественными членами в качестве однородных:

He had warts and was self – conscious about them (VIII, p.78).

Второе же предложение представляет собой два совмещенных элементарных предложения:

They were embarrassing to him. They were offensive to him.

К совмещенным предложениям можно отнести:

1) предложения с однородными членами:

The old lady pulled her spectacles down and looked over them about the room (I, p.302);

2) предложения с присоединительными конструкциями:

You have to get married, and at once (II, p. 116);

It is better for her to know, and from me (II, p. 117);

3) предложения с причастными оборотами:

I like to read books describing the lives of great people (III, p. 140);

4) предложения со вторичной предикацией:

The moon rose red (IV, p. 198);

Father came smiling (V, p.214);

5) предложения с обособленными членами:

She had come, accompanied, for decorum's sake, no doubt, by younger Miss Wackles (VIII, p.281);

6) предложения с неявно выраженной депредикацией:

He saw a man with a long board in a grey coat (VII, p. 104);

7) предложения, где существительное с предлогом или без него связано с глаголом слабым управлением:

Charles Dickens was born in 1812, in a small English town (I, p.86).

Совмещение некоторых конструкций сопровождается опущением одних структурных элементов и изменением формы других. Например:

He saw a man.

The man was with a long board.

The man in a grey coat.

He saw a man with a long board in a grey coat.

Здесь при совмещении элементарных предложений опускается глагол – связка второго предложения. Аналогичные опущения имеют место в предложениях с обособленными членами (в том числе с причастными оборотами) и с неявно выраженной депредикацией.

Особый интерес представляют предложения с однородными членами. Не все предложения с однородными членами легко представить как слияние элементарных предложений с некоторыми тождественными компонентами, так как при формировании слитных конструкций происходят трансформации, затрудняющие обратный процесс.

Затрудняет обратный процесс и так называемая «ложная однородность». Например, в предложении два подлежащих могут выступать не как однородные члены, дающие начало двум параллельным нитям, которые связали бы их с другими объектами, но не связали бы их самих, а как две крайние точки, дающие законченную, притом двустороннюю (симметричную) связь. Ср.:

He loves his wife.

He is loved by his wife.

He loves, and is loved by, his wife (I, p.299).

На положении однородных нередко оказываются члены предложения,

однородные только формально как в случае стилистической фигуры, называемой зевгмой:

They covered themselves with dust and glory (II, p.306);

Take the book and yourself a way (IV, p. 104);

London is fill of fog and serious people (VIII, p. 188).

Семантическая разнородность комбинируемых связей создает комический эффект. Зевгма широко используется в языке английской художественной литературы. Она сводится к ряду «гипотактических (сочинённых) предложений, организованных вокруг одного общего для всех них главного члена (реализуемого только в одном из них, а в остальных подразумеваемого); ср. русск. Один взял книгу, другой – тетрадь, третий – ручку» [О.С.Ахманова, 1969, с. 158]

3.3. Сегментация речевого акта как одно из средств экспрессивизации текста

Термин «экспрессивный синтаксис» появился в лингвистической литературе в последние 20 лет и наиболее часто применяется при изучении проблем письменной речи (43:1972:с.109), в отличие от более ранних исследований, когда он считался прерогативой устной формы речи. Однако отличительной особенностью современных работ по синтаксису является не апелляция к письменной при устной формам речи и анализ их различий, а восприятия экспрессивного синтаксиса, в том числе и в плане вводимости.

Своеобразие подобного подхода к изучению расчлененных экспрессивных структур обусловлено привлечением к их анализу отдельных положений теории речевых актов, что позволяет нам с большей глубиной проникнуть в коммуникативную сферу и выработать соответствующие модели функционирования данных структур, например, в таком виде речевого взаимодействия, как диалог. Один из наиболее наглядных видов расчлененных экспрессивных структур – вопросно-ответные конструкции.

Следует отметить, что этот разряд расчлененных экспрессивных образований (расчлененный речевой акт) не является однородным ни по формально-структурным, ни по семантико-функциональным качествам.

Первый из проанализированных нами примеров взят из диалога беседы героев романа А.Кристи (II, p.69):

'And if so, said Harry Lee, 'Then someone here in the house killed him... But who the devil should have done it? Can't suspect the servants. Tressilian has been here since the year one. The half witted footman? Not on your life. Horbury, now, he's a cool customer, but Tressilian tells me he was out at the pictures. So what do you come to? Passing over Stephen Farr (and why the devil should Stephen Farr come all the way from South Africa and murder a total stranger?) there's only the family. And for the life of me I can't see one of use doing it. Alfred? He adored Father. George? He hasn't got the guts. David? David's always been a moon dreamer. He'd faint if he saw his own finger bleed. The wives? Women don't go and slit a man's throat in cold blood. So who did? Blessed if I know. But it's damned disturbing.'

Рассматриваемый нами тип расчлененной экспрессивной структуры – расчлененный речевой акт характерен для подобного контекста с соответствующей коммуникативной целью, поскольку процесс выяснения чего-либо естественно связан с вопросно-ответными конструкциями.

Данный случай является особенным, поскольку и вопросы, и ответы принадлежат одному и тому же лицу, пытающемуся методом исключения добраться до истины. Повторяющиеся вопросно-ответные конструкции по этой причине можно считать единым, но расчлененным речевым актом, в котором вопросная часть является директивом – реквестивом (побуждение к ответу), а ответная – репрезентативном – констативом (полная ответственная за истинность сказанного) или репрезентативном – дедуктивном (предположение).

Использование подобных конструкций в художественном тексте имеет

своей целью, во–первых, имитировать устный диалог с его разговорными формами речи; во–вторых, создать атмосферу поиска, неизвестности, а также отразить вербальными средствами процесс порождения мысли, что, воздействуя на читателя детектива, делает его свидетелем «мыслей вслух».

Таким образом, вышепроанализированные конструкции как экспрессивные синтаксические средства являются соединением лексического повтора с синтаксическим распространением (собственное имя – местоимение) в вопросно–ответных конструкциях.

Другую разновидность расчлененных экспрессивных конструкций представляют собой утвердительно – вопросно – ответные образования, в основе которых причинно – следственные связи:

"... He doesn't mention his loss to either of his two sons. Why? In my opinion because he was quite sure neither of them had anything to do with it" (II, p.108).

Коммуникативная цель употребления данных конструкций аналогично той, что была установлена нами в первом случае. Однако они отличаются, во – первых, большей степенью отчужденности компонентов речевого акта, а, во – вторых, количеством этих компонентов. В этом примере вопросительная часть является вводной. Тип речевого акта можно определить как и репрезентатив – констатив – директив – реквестив – репрезентатив – эвидентив.

Коммуникативный подход к изучению единиц языка, т.е. рассмотрение их в аспекте выполнения коммуникативной функции, должен осуществляться, с нашей точки зрения, с учетом главенствующей роли этой функции для всей системы языка.

Объединенные общей коммуникативной целью средства языка действуют в единстве, гармонично дополняя друг друга. Одним из проявлений экспрессивности, имеющей коммуникативную направленность, являются, с нашей точки зрения, расчлененные экспрессивные конструкции и

их разновидность – расчлененные конструкции с отношениями несмежной ретроспективности между членами.

Ср. следующий пример:

'You try the ladies, not?' 'Not', I said. 'I've had the ladies'. Sometime you make me sick, Jake'. 'I can't help my psychology. After all, freedom is only an idea'. 'It's in the third Critique', Dave shouted to someone across the room. 'Which ladies, anyway?' I asked. 'I don't know your women', said Dave, 'but, if you paid a few visits, someone might give you an idea' (VIII, p.27).

Компоненты данной расчлененной экспрессивной конструкции отдалены друг от друга другими репликами, которые не являются для них связующими. Семантическое содержание второго компонента и установление логической связи между первым и вторым компонентами, т.е. возможность декодирования, обеспечиваются расшифровкой коммуникативной направленности диалога.

Данный тип связи между компонентами расчлененной экспрессивной конструкции представляется оправданным назвать несмежной ретроспекцией, поскольку компоненты не следуют друг за другом, а участник диалога и, следовательно, читатель отсылаются к тому, что уже было сказано ранее.

Тип диалога, в котором возможны такие виды экспрессивных конструкций, может быть определен как беседа, что оправдано наличием определенной коммуникативной установки (в качестве основной) всего диалога в целом или как минимум – одного из собеседников.

Компоненты данной расчлененной экспрессивной конструкции представляют собой: первый – директив – суггестив и реквестив, второй – директив – реквестив.

Таким образом, подобный тип конструкций обусловлен коммуникативным намерением выяснить что-либо.

Для подтверждения нашей точки зрения о том, что расчлененные

экспрессивные конструкции с несмежной ретроспективной связью между компонентами употребляются в художественной диалогической речи для имитации диалога – беседы, основная коммуникативная интенция которого выяснение определенной проблемы или вопроса, обратимся к такому:

Mrs. C: 'No, I don't my dear. It sounds a little morbid to me. But your father could be quite morbid sometimes – you mightn't think so? But he could – and I suppose you take after him'.

Kay (very gravely): 'Do you think that sometimes, in a mysterious sourt of way, he knew?'

Mrs. C (not too attentive to this): 'Knew what, dear? Look at Hazel, doesn't she look rather sweet? I can remember where I first wore those things. Absurd! Knew what?'

Kay: 'Knew what was going to happen to him' (VIII, p. 17).

Как и в вышеприведенном случае, компоненты последней расчлененной экспрессивной конструкции разделены несвязывающими их семантически репликами, т.е. являются несмежными. И первый, и второй члены конструкции представляют собой директивы – реквестивы. С коммуникативно-семантической точки зрения вопросительная реакция на вопрос вместо ответа, т.е. нереализация коммуникативной установки, может быть объяснена неуверенностью собеседников, нечетко сформулированного для него предмета разговора.

3.4. Контекстуальный анализ регулярных типов сегментированных предложений

Язык располагает набором различных средств, призванных поддержать смысловую связь предложений с контекстом, восполнив их относительную неполнозначность в изолированном рассмотрении. Это употребление личных и указательных местоимений, союзов (в зачине предложения), союзных частиц, вводных слов и др.

Ср. следующее предложение: His poetical work is smaller in volume and narrower in range than that of his two great contemporaries, but it reflects more clearly than the poetry of either, the collapse of faith that was a tragedy in many sincere lives of the period (I, p. 111).

Приведенное предложение не только полное, но и сложное по своей структуре. Вместе с тем оно не может считаться полным по смыслу. Более того, вообще не ясен план его содержания без другого предшествующего предложения, раскрывающего предметную отнесенность личных местоимений в нем: Eminent alike as poet and critic, Matthew Arnold holds a place of singular distinction among Victorian writers.

Однако даже и это предложение не вносит смысловой полноты без обращения к более обширному предшествующему контексту, ибо значение словосочетания **two great contemporaries** до конца не прояснено. Отсюда очевидно, что лишь контекстно рассматриваемое предложение как составная часть целого приобретает надлежащую смысловую полноту.

Тем не менее, в речи возможны все-таки отклонения от выработанных в языке моделей. К примеру, какие-то фрагменты моделей предрасположены к выпадению. Однако подобное структурно-формальное трансформирование есть свидетельство того, что продуцируемое предложение формируется в речи уже по какой – либо совершенно другой модели.

Так, например, предложение Wish I were the same (II, p.47) не будет новым синтаксическим построением, а актуализирует ту же позиционную структуру (модель), что и предложение Wish I were the same.

Точно так же предложение You coming Scobie? (II, p. 138). лишь потому будет единицей сообщения, что его позиционная модель соотносится с позиционной моделью предложения Are you coming, Scobie?

Подобные нарушения или вводно-обособляемые структуры формируются по имеющимся в системе языка моделям. И действительно, такие предложения поняты лишь потому, что создаются в очевидном соответствии

со своей деривационной первоосновой в виде синтаксически полного предложения. Скажем, предложение *Very pretty, that* (III, p.370). или же *A queer being, my mother* (III, p.1 14) достаточно не были бы понятны, если бы в них не проступала та же модель, что и в предложении *is* или *A queer being, my mother is*, где наличествует инверсия позиции именной части. Модель же *Very pretty, that* построена в соответствии с моделью *Very pretty, that is*, однако в ней нет одной словесной формы.

Полные предложения точно соответствуют модели (т.е. структуре предложения в конкретно рассматриваемом языке). Поэтому они и репрезентируют ту или иную модель. К тому же в полных предложениях раскрывается позиционная модель предложения данного языка и проявляется релевантные для него синтаксические отношения. В силу этого эллиптические предложения со всей наглядностью выделяются в сравнении с полносоставными предложениями. Их объединяет общая исходная модель а индивидуальность предложения – эллипсиса обнаруживается по отсутствию каких-либо позиционных звеньев. Отсюда очевидно правомерность тезиса: наличие эллиптических (неполных) предложений обусловлено возможностью противопоставления их с полносоставными.

Так, если можно сказать *Sounds like a good idea* (I, p.83), или *What a nice speech!* (II, p.49), то только потому, что в языке наличествует модель полносоставного предложения / *sounds like a good idea* или *What a curious shape it is!*

И наоборот, поскольку в языке есть модель предложения *What a curious shape it is!* или *I can't answer (you now)* (II, p.52), постольку предложения *What a nice speech!* или *Can't imagine why people speak against her* (II, p.53) будут неполные. Таковыми они будут, конечно, же, не по смыслу, ибо сполна передают заключенную в них мысль, являясь особыми единицами сообщения. Неполными эти предложения оказываются по актуализируемой структуре. Поэтому применяемый в подобных случаях термин «неполный» весьма

условный и приемлем лишь с грамматической точки зрения, а не семантической.

Таким образом, неполное предложение представляет собой в функции вводности сугубо грамматическое понятие, не имея какого-либо отношения к содержанию, точнее к идее законченности мысли в контексте одного предложения. Нарушения же в предложении базовой позиционной модели предложения допускаются вследствие того, что отдельные позиционные звенья тесно взаимообусловлены и предполагают при употреблении одна другую, т.е. одна позиция словесной формы допускает использование другой позиции какой – либо иной словесной форм (и даже возможно вытеснение из контекста употребления всей позиционной базовой модели полносоставного предложения).

Например:

"Hallo, Jim, how is it going?"

"**Badly**" (II, p.39);

"I'll wait for you", he said in an urgent undertone. "**In the porch**" (II, p.113).

В приведенных контекстах два выделенных предложения соотносятся с полносоставными предложениями по отсутствию словесной формы в позиции сказуемого. Рассматриваемые предложения – эллипсисы представлены зависимыми обстоятельственными позициями, предполагающими наличие позиции сказуемого и далее (через сказуемое) и подлежащего:

в первом случае – **It is going** badly,

во втором – **I'll wait** in the porch.

По причине подобной взаимной обусловленности позиционных звеньев внутренняя связь указывает на возможное выпадение словесной формы в одном или даже нескольких звеньях. Кроме того, «позиция словесной формы в предложении определяется не только по тем данным, которые представляют одно, взятое в отдельности предложение, но и по тем, которые представляют соотносительные ряды разных типов предложений, то есть система языка

целом» (53:1991: с.45).

Отсюда отличие неполных предложений от полносоставных будет не в отсутствии каких-либо позиций, а в том «они представлены отрицательно, то есть они представлены отдельными словесными формами» (53: 1991: с. 131). Иначе говоря, словесная форма в какой-то позиции может отсутствовать, однако сама позиция все же наличествует.

Так, в предложении *Shouldn't think you'll last five minutes without me to explain the score to you* (I, p.84). Нет словесной формы в позиции подлежащего, хотя сама позиция существует и определяет позицию сказуемого. Соответственно в предложении *Sensible woman Lady Windermere* нет словесной формы в позиции связки, однако позиция наличествует, определяя отношение позиции именной части к позиции подлежащего.

Для толкования эллиптических предложений необходимо использовать контекст и ситуацию, создающие условия их образования и обуславливающие саму возможность их употребления. Контекст и ситуация конкретизируют содержание соответствующего предложения. При этом они дают возможность не называть то, что уже известно из предыдущего текста.

Ср. образцы подобных контекстов:

Tape (strong voice, rather pompous, clearly Krapp 's at a much earlier time)//
Thirty – nine today, sound as a bell, apart from my old weakness, **and intellectually** I have now every reason to suspect **at the ...** (hesitates)... **crest of the wave – or thereabouts** (V, p. 11) →

→Old Miss McGlome always sings at this hour. But not tonight. Songs of her girlhood, she says. Hard to think of her as a girl. Wonderful woman thought. Connaught, I fancy (II, p. 12).

Или: **Very softly**. Go very softly (III, p. 135).

Кстати, следует учитывать различие между контекстом и ситуаций. Дело в том, что контекст есть языковой фактор, а ситуация – неязыковой. Поэтому в ситуации не названная в эллиптическом предложении словесная форма

вообще лишена словесного выражения, о чем А.М. Пешковский (55:1956:с.126) говорил, так: «Здесь нет никакого умолчания, никакого намеренного пропуска слов... Во всех таких случаях говорящий не представляет себе опущенных слов, не вспоминает их потому, что они ему не нужны».

Ср. нижеследующий развернутый текстовый фрагмент:

Rycker's voice said, "He laughed at me. How dare he laugh at me? " The doctor to Brother Philippe, "I have his head. Can you find his legs? We've got to get him inside". He called to Rycker, "Put down that gun, you fool, and help!"

"Not at Rycker", Querry said. The doctor leant down closer: he could hardly hear him. He said "Don't speak. We are going to lift you now. You '11 be all right".

Querry said, "**Laughing at myself**" (II, p. 110).

Но отмеченные выше различия между контекстом и ситуацией не имеют значения, если речь идет о структурных особенностях эллиптических предложений, ибо подобные различия не сказываются на их структуре, не приводят к каким-либо изменениям в типах эллиптичности предложения:

Контекст	Ситуация
<p>Celebrated the awful occasion as in recent years, quietly at the Wine house (V,p.14).</p> <p>(Отсутствует словесная форма в позиции подлежащего).</p> <p>"You got plenty lodgers? "</p> <p>"Only three, sir " (VI, p. 11)</p>	<p>Took some furniture to H.K.</p> <p>Told Louise news, which pleased her (VI, p.284).</p> <p>In the evening told Louise that I should have to retire before end of tour. Did not mention angina but spoke of strained heart. Another good might as result ofEvipan (VI, p.3] 8).</p> <p>(Отсутствуют словесные формы в позициях подлежащего и сказуемого)</p>

He is not here any longer ", the officer said.

Gone home?" (VI, p. 136);

"Let's get a breath of air ",

Scobie suggested. Wise?

It would look odd if we didn't,

Scobie said.

"Going to look at the stews? " Fell owes

called pouring out the beer. "Making up

for lost time, Scobie? " (VI,p.234).

(Отсутствуют словесные формы в позициях подлежащего и части сказуемого).

Из вышеприведенных примеров очевидно следующее: при заимствовании слов из окружающей речи (т.е. из контекста) и при замене их представлениями из речевой ситуации структура эллиптических предложений остается той же. Неизменна и позиционная модель. Поэтому нецелесообразно разграничивать СМП на «контекстуальные» и «ситуативные». К тому же зачастую разграничивать контекст и ситуацию исключительно затруднительно. Ср.:

Hilary. You subscribe to the Reader's Digest, belong to the Racquets Club, and worked you way through college. Or did you get a football scholarship?

Charles. No, I worked my way through college. **As a crooner**, believe it or not. (Контекст).

Hilary. And played half on the football team. (Контекст).

Charles. Correct. (Ситуация).

Hilary. And were in the marines during the war. (Контекст).

Charles. Army Air Force. (Контекст).

Hilary. And finished up Colonel.

Charles. Wrong again. (Ситуация). A one – star General. Anything else?

Found, something? (VI, p. 146);

He wrote a note for her, "Taking some furniture up to Helen.

Will be back early with good news for you (VI, p.278).

(Ситуация). (Ш, р.34 – 35).

В приведенном отрывке контекст и ситуация несколько переплелись, что затруднительно определить, какой фактор обуславливает в том или ином случае употребление СМП. Собственно для определения их структурных особенностей это и не нужно.

Итак, СМП – это понятие структурно-грамматическое, а не смысловое. Для его анализа важно решить, в каких позициях отсутствие словесной формы влечет за собой трансформирование предложения.

Основа двусоставного предложения строится позиций подлежащего и сказуемого как главных позиций, формируя структурный центр предложения. Он имеет на себе все остальные позиции. Это подтверждается анализом практически любого полного (двусоставного) предложения по непосредственно составляющим. Итоговый результат такого анализа сводится к формуле N – V, которую Л.Блумфилд (18, 184) называет модель «действие – действие». По его мнению, она составляет норму предложения ("favorite sentence form"). То, что позиции подлежащего и сказуемого есть основа структуры двусоставного предложения убедительно подтверждается их предрасположенностью к образованию предложенческой полной структуры типа (18, 181). В компонентно развернутых (распространенных) предложениях имени они являются теми центрами, вокруг которых группируются другие позиции. Ср.: John ran away. Poor John ran away, When the dog barked, poor John ran away, Did John run away?, Didn't John run away и т.д. и таким образом, «главные позиции являются определяющими и независимыми» (18, 76).

Однако главные позиции образуют лишь структурный центр предложения. Что касается плана содержания, то совершенно нередко не подлежащее со сказуемым несут основную информационную нагрузку, ибо смысловой центр зачастую лежит именно на позициях второстепенных членов. Ср. следующие наиболее типичные контекстные образцы:

In fifteen years Doctor Colin had only known two days hotter than this owe

(III, p. 110).

Impatiently the doctor called out the next number (II, p. 112).

From the river came the summons of the ship's bell (II, p. 114).

Как видно, содержание сообщения передается во всех приведенных предложениях словесными формами, которые выступают на второстепенных позициях, а не выступающими в главных позициях словесными формами.

Если обратиться в этих предложениях лишь к главным позициям [1) Doctor Colin had known, 2) the doctor called out, 3) came the summons], то их смысловое содержание крайне бедно, более того, даже почти совсем теряет смысл (в первом и во втором случаях).

С другой стороны, если убрать эти словесные формы, то тогда предложение попадается на не связанные между собой отдельные слова и сочетания слов [Impatiently ... the next number. From the river... of the ship's bell]. Взятие вместе, они ничего не выражают в плане сообщения, ибо представляют собой обычный набор слов. Причина заключается в том, что выпало определяющее структуры (т.е. то, создает ее), хотя несущие основное содержание сообщения словесные формы и остались. Изъятие словесных форм в главной позиции, привело к выпадению и самих этих позиций, а это привело уже к разрушению структуры предложения.

В итоге, создается очевидное неравенство «структурный центр» \neq «центр сообщения». Вот почему при отсутствии словесных форм в позиции дополнения, определения и обстоятельства предложенческая структура не разрушается, хотя содержание сообщения и исчезает частично или даже полностью. Однако при устранении в предложении позиции главных членов структура предложения разрушится, ибо «второстепенные ... члены предложения не могут обходиться без явных или подразумеваемых организующих центров (подлежащего или сказуемого)» (58, 8).

Так, если обратиться к английскому языку, то в нем чрезвычайно распространены СМП, в которых отсутствуют словесные формы в позиции

подлежащего и сказуемого (или же части сказуемого), но словесно выражены второстепенные позиции:

Hallo, how is it going? – **Badly** (I, p.39);

Am I a nuisance? – **Never** (IV, p. 140);

You must have had plenty of practice, surely. – **Not much, as a matter of fact** (I, p.84).

Ясно, что указанные предложения могут существовать лишь за счёт сохранения позиции главных членов, которые остаются и при отсутствии подтвердительных словесных форм.

Перейдем к непосредственному анализу интересующих нас случаев. Известно, что внешне тождественная непоследовательность одних и тех же слов может иметь, различное синтаксическое значение в зависимости от контекстуального окружения. Контекст дает возможность установить отношения анализируемой единицы по четырем линиям: по линии синтаксической, лексической, логико–семантической и лексико–грамматической (местоименно–репрезентативной). Какая же из этих линий должна считаться диагностирующей при определении синтаксическая, так как синтаксически тяготеют друг к другу (67, 140).

Синтаксическая связь между предложением и отделенным от него точкой безглагольным отрезком высказывания может быть непосредственной, опосредованной или отсутствовать вообще.

Непосредственная синтаксическая связь выступает в следующих случаях:

But I was here as a girl. On the kitchen as a kitchen – maid (II, p. 101).

Have you made a will?

Yes, I did. About six months ago (III, p.38).

В приведенных примерах нельзя говорить о самостоятельном статусе безглагольного отрезка на уровне предложения. Здесь мы имеем дело с так называемой парцелированной конструкцией, которая является лишь

интонационно обособленным членом предыдущего предложения.

Опосредованная синтаксическая связь выступает тогда, когда непосредственное присоединение безглагольного отрезка без изменения структуры исходного предложения невозможно. Такое положение наиболее ярко можно проиллюстрировать с помощью вопросно–ответного единства. В монологической форме речи также широко представлен этот тип связи: *But, of course, that sort of thing doesn't really happen. Only in books (VIII, p.49). I didn't think anything had happened to Ruby. Not for a minute! (VIII, p.38).*

До сих пор приводились примеры с подчинительным типом синтаксической связи. Сочинение создает дублирование синтаксической позиции члена предложения, а потому может образовывать отдельное (неполное) предложение: – *They weren't very thrilling. Just accidents, you know (VIII, p. 13).*

Более сложный случай представляют собой предложения, выступающие в качестве расширения к именному члену предложения: *Your cousin, Mademoiselle, will do admirably. Just the type of person I had in mind (VIII, p.37).*

При соотнесении расширения с расширяемым членом оказывается, что потенциально между ними существует предикативная связь. Однако особенностью предикативной связи является то, что она имеет двустороннюю направленность. Формальная невыраженность одного из контрагентов предикативного комплекса разрушает самую предикативную связь. Таким образом, безглагольное высказывание *Just the type of person I had in mind* оказывается не связанным синтаксической связью с предыдущим высказыванием.

Контекстуальная связь здесь, безусловна, присутствует, ибо второе высказывание имеет логико–семантическую связь с первым. Именно наличие контекстуальной связи делает возможным однозначное восстановление таких безглагольных высказываний до полных двусоставных структур. Создается опасность двоякого толкования этих высказываний: одни авторы относят их

на этом основании к неполным предложениям, другие – к односоставным. Однако, по нашему мнению, отсутствие синтаксической связи является сильным показателем, чем зависимость смысла от контекста, поэтому предложения такого рода должны быть отнесены к односоставным. Под односоставным предложением следует понимать безглагольное высказывание, не связанное с левым контекстом синтаксической (подчинительной или сочинительной) связью. При наличии непосредственной подчинительной или сочинительной связи создается парцеллят, или сильно обособленный член при опосредованной связи – неполное предложение.

Членение высказывания на интонационно обособленные отрезки может осуществляться по-разному, в зависимости от экспрессивного и коммуникативного задания. Именно поэтому для определения типа высказывания необходимо учитывать его синтаксическую связь с контекстом.

Рассмотрим следующие примеры: *She had a black dress on. A black and a black hat* (II, p. 69). *It was my tragic mistake. An affair of uncontrollable passion* (III, p. 131).

Безглагольное высказывание *A black and a black hat* могло бы считаться двусоставным предложением, если бы оно не стояло в сочетании с предыдущим двусоставным предложением *A she had a black dress on*. В данном случае наблюдается повтор дополнения и присоединение к нему с помощью сочинительного союза *and* однородного члена. То же самое можно сказать и в отношении предложения *An affair of uncontrollable passion*. Вырванное из контекста, оно может быть воспринято как односоставное предложение. Однако контекст ясно показывает, что данное предложение является неполным, так как связано сочинительной связью с предикативным членом одного из предыдущих предложений: *It was my tragic mistake*. Наконец, однородные подлежащие также не могут рассматриваться как отдельные предложения: *... there was very definite hostility in those pale blue eyes. Fancy, perhaps. Or possibly professional jealousy* (III, p. 19). Рассмотрим другую серию

предложений. He helped her up. "Tell'em Moyné sent you. Special terms " (II, p.39). His eyes went on to Hester. A pretty child (IV, p.93). В первом примере безглагольное предложение синтаксически связано с контекстом слева, и это делает его независимым высказыванием, которое, несомненно, относится односоставным предложением. Во втором случае синтаксическая ориентация безглагольного предложения более определена: оно имеет одно и то же синтаксическое лицо. Однако, поскольку безглагольное высказывание не может быть присоединено к предыдущему высказыванию без изменения смысла, его следует рассматривать как самостоятельное односоставное предложение, т.е. сегментный разряд.

В следующих случаях, как показывать контекст, комбинируются неполные и односоставные предложения: Such property as wasn't entailed he left to his daughter. Five hundred to Miss Carroll. No other bequest (III, p. 113). "And then I thought I'd have a proper love affair, " – said Hester. – "not a silly girlish thing. An old man. He was married, and he had a very unhappy life" (IV, p. 151).

В обоих случаях первые безглагольные отрезки являются неполными предложениями, а вторые – односоставными. Five hundred to Miss Carroll связано опосредованной подчинительной связью дважды: здесь вынесены в самостоятельное высказывание беспредложное и предложное дополнения к глаголу **left**. При этом Not a silly girlish thing связано сочинительной связью с прямым дополнением к глаголу **have**. No other bequests и An old man являются односоставным предложением, так как не имеют синтаксической связи с предыдущим высказыванием.

Итак, именно синтаксические отношения с левым контекстом определяют статус безглагольного высказывания как сегментного типа.

Как односоставное, так и неполное предложения могут быть связаны подчинительной связью с безглагольным высказыванием, стоящем справа от них:

"Excellent taste", said. Sir Henry. – "Especially in putting men first" (II,

p.203).

A little cupboard place — kind of niche. About foot square, sir. Not more than that (1, p. 110).

– By the way, Mademoiselle, have made a will?

– Yes, I did. About six months ago. Just before my op.

– You op?

– Operation. For appendicitis (I, p.38).

Безглагольное высказывание, стоящее справа от ОП, может быть также односоставным или двусоставным безглагольным предложением: His eyes went on to Hester. A pretty child. Something lawless and wild about her (IV, p.93). Not a word to anyone and his family a lot of nephews and nieces, full of expectations (III, p.202). В этом случае сегментно актуализируемые синтаксические связи выступают не на уровне словосочетания, а на уровне предложения.

Выводы по 3-ей главе

Контекстуальный анализ сегментации [например, обособления] позволяет заключить в первую очередь то, что порядок слов является одним из основных средств обособления, а также одним из способов реализации различных стилевых черт. К средствам сегментации относятся ещё и местоположение, интонация, логическое ударение и пауза.

Сегментация обладает в тексте большей самостоятельностью, чем другие члены предложения. Тем не менее, в зависимости от его лексической наполняемости, различается степень её семантической связанности с основным предложением.

Часто в результате логического утонения или субъективной оценки автора сегментация выражает основную мысль говорящего. Всё это придаёт высказыванию стилистическую выразительность. Причём одно и то же языковое явление в различных контекстах и речевых ситуациях может

характеризоваться различной стилистической значимостью. Одна и та же мысль бывает выражена различными структурно-грамматическими конструкциями. Так, вместо определительного обособленного оборота можно употребить определительное придаточное предложение, хотя оно и не передаёт всех оттенков. Это зависит от индивидуальной манеры автора, его стиля, а также от содержания и цели высказывания. Большую и важную роль в таких случаях играет интонация, так как она выражает экспрессию, которую вкладывает в неё автор. Последняя связана с многообразными смысловыми оттенками, которые добавляются к основным значениям слов и позволяют автору выражать своё отношение к предмету повествования.

В конструкциях с сегментируемой целеустановкой особо значимую релевантность имеет напряжение, которое функционирует под влиянием различных факторов:

1) напряжение возникает с появлением первой лексической единицы и завершает свою функцию последней лексической единицей обособленной конструкции. Определенную роль выполняют также знаки препинания на письме и паузы – в речи.

2) Функционирование напряжения регулируется импульсами и тормозами, возникающими в зависимости от качеств компонентов и элементов структурного характера.

3) Импульсирующими элементами могут быть элементы структурного характера: рама (предикативная, атрибутивная, компаративная и др.), валентность (синтаксическая и семантическая) отдельных частей речи и элементы структурно – семантического характера: в начале первого микрополя (союзы, союзные слова, сравнительная частица, артикль, предлоги: иногда эмоционально – окрашенное слово или иные лексические единицы), главным образом лексические единицы с малой информационной наполняемостью. Перечисленные элементы, усиливающие напряжение в первом микрополе (это собственно обособление), могут выступать как

импульсаторы напряжения также во втором микрополе (в окружающем, обособление контекста), лишь с меньшим эффектом.

4) Сила напряжения в сегментируемой конструкции находится в зависимости от информационной ценности отдельных микрополей. Чем выше информационная ценность второго микрополя, тем сильнее дуга напряжения всей конструкции.

5) Средствами торможения являются: малоупотребляемость лексической единицы, контраст между сопоставляемыми и взаимодополняемыми компонентами обособления, насыщенность лексических единиц информационной ценностью, эмоциональная окрашенность (особенно в первом микрополе).

6) Ритмичное распределение импульсирующих и тормозящих напряжение элементов способствует гармоничному протеканию речи, обозримой компактности текстопорождения.

Обилие всякого рода конечных и постпозитивных сегментов, их объём, структура и функции дают основание во многих случаях современного английского художественного текста рассматривать предложение не столько как целое, грамматически расчленённое с той или иной целью на отдельные части, а скорее как целое, мастерски собранное, синтезированное из отдельных сторон, деталей и ассоциаций. А в более широком лингвостилистическом ракурсе здесь можно говорить о закономерностях формирования конкретного творческого метода писателя и об особенностях его идиолекта. Причём сегментация в его различных структурно – семантических формах позволяет достаточно объективно судить об индивидуальных чертах того или иного писательского стиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема эволюции языка, которой по праву отводится одно из центральных мест в лингвистической теории, непосредственно соотносится с экономией и избыточностью, проявляемых на всех языковых уровнях. Причём если экономия обнаруживает себя особенно наглядно на синтаксическом уровне, то избыточность наиболее отчётливо прослеживается в сфере семантики.

Актуализация экономии и избыточности в синтаксисе языка исходит из коммуникативно-номинативной специфичности предложения и – шире – текста вообще, где реализуется взаимодействие назывной и коммуникативной информации. При этом категория водности есть прямое следствие этого процесса.

Причины экономии и избыточности в синтаксисе вообще и разговорной речи в особенности надо искать в коммуникативном и номинативном аспектах предложения.

При построении предложения происходит постоянное и сложное взаимодействие его назывного аспекта и механизма, реализующего коммуникативное задание. Но при этом механизмы актуализации и наименования события обладают известной степенью автономности.

Коммуникативное задание может передаваться вспомогательными средствами синтаксиса – порядком слов, интонацией, расстановкой акцентов, дроблением текста на вводные конструкции. Таким образом, водность является прямым следствием коммуникативного аспекта предложения. Причём актуализация высказывания в разговорной речи происходит чаще, чем в других видах речи, при помощи вводных элементов. Они являются наиболее типичным сегментным средством разговорной речи, используемым для выполнения коммуникативного задания, выделения ремы высказывания.

Природа сегментности зависит также от динамизма смены ситуаций разговорной и художественной речи при коммуникации, ориентированной на

сегментацию [дробление] в виде водности.

Предложение является узловым пунктом синтаксического строения текста, поэтому его структура не безразлична к задачам писателя, которые он ставит перед собой при написании того или иного произведения. От этого зависит степень полноты предложения и место его в контексте. Отражая действительность в художественном произведении, писатель может по-разному вскрывать взаимосвязь и взаимообусловленность предметов, явлений и отношений между ними. Всё это выражается в своеобразии синтаксиса автора, в объёме предложений, в использовании тех или иных видов синтаксической связи внутри самого предложения. Одним из этих видов синтаксической связи является обособление, в виде всевозможных вводных конструкций.

Сегментация слов, словосочетаний и предложений широко применяется как языковой приём для объединения второстепенных членов предложения вокруг главного члена предложения, вернее вокруг группы сказуемого или группы подлежащего. Сам термин «обособление» указывает на отрыв какого-либо слова или группы слов остальной части предложения и одновременно на то, что это «оторванное» при обособлении слово или группа слов приобретает некоторую самостоятельность, и опущение его не нарушает общей структуры предложения.

Но, с другой стороны, сегментируемый член предложения семантически тесно связан с остальной частью предложения. Таким образом, здесь наблюдается диалектическая взаимообусловленность явлений, характерная для развития языка: сегментный [вводный] элемент или обособление [как синтаксическое средство связи] отделяет один член предложения от остальных членов предложения с тем, чтобы их снова воссоединить по смыслу и подчеркнуть смысловую значимость выделенного, т.е. обособленного слова, словосочетания или предложения, маркированных водностью.

Сегментные члены, будучи относительно самостоятельными единицами

предложения, соответствуют отдельным сторонам высказываемой мысли, и осуществляемое с их помощью структурно – грамматическое членение высказывания во многом влияет на различную формировку одной и той же мысли, а от этого зависит своеобразие в реализации ее содержания и в конечном счете различное художественное воздействие на слушателя или читателя. Взаимосвязь синтаксического облика предложения и характера членения мысли – вот тот общий более широкий фон, в качестве частного проявления которого должен рассматриваться приём обособления.

Контекстуальный анализ предложения с сегментацией позволяет заключить в первую очередь то, что порядок слов является одним из основных средств обособления, а также одним из способов реализации различных стилевых черт. К средствам обособления относятся ещё и местоположение, интонация, логического ударение и пауза, актуализирующих наиболее важное в высказывании.

Сегментация обладает большей самостоятельностью, чем другие члены предложения. Тем не менее, в зависимости от его лексической наполняемости, различается степень его семантической связанности с основным предложением.

Часто в результате логического уточнения или субъективной оценки автора обособление выражает основную мысль говорящего. Всё это придёт высказыванию стилистическую выразительность. Причём одно и то же языковое явление в различных контекстах и речевых ситуациях может характеризоваться различной стилистической значимостью. Одна и та же мысль бывает выражена различными структурно-грамматическими конструкциями.

Таким образом, наблюдения над лексико-синтаксической сегментностью позволяют сделать следующие обобщающие выводы:

1) Структурная неполнота сегментации при сохранении предикации имеет стилистическое значение.

2) Наличие у сегментации собственной предикативной линии позволяет ему сохранить основные грамматические значения (обозначение признака, временную соотнесённость, синтаксическую функцию).

3) Разная лексическая наполняемость сегментов не меняет их грамматические значения, являясь стилистическим фактором.

4) Сегментные словосочетания можно считать лексико-грамматическими и функциональными синонимами парентетических предложений (придаточных и полусамостоятельных, т.е. синсемантических вводных предложений в рамках контекста).

5) Размещение составных элементов сегментов подчинено закономерностям, являющимся результатом действия следующих факторов: коммуникативный (как ведущий), структурный, синтаксический и др.

6) Объём сегмента определяется по семантико-синтаксической активности стержневого слова.

7) Реализация валентных возможностей стержневого сегмента осуществляется в результате таких синтаксических способов, как распространение, расширение и усложнение.

8) Сегменты являются не только синтаксическим средством дробления целого, но и элементами его синтезирования.

9) Являясь одной из структурно – грамматических возможностей членения целого, сегменты оказывают влияние на ритмический рисунок предложения.

10) Структура английского предложения характеризуется тем, что части синтаксической группы, наиболее тесно связанные между собой по смыслу и грамматически, расщепляются, располагаются дистантно и образуют рамку, наполнение которой происходит с учетом закономерностей порядка слов в английском предложении. Такое расщепление создает максимальное напряжение в построении предложения, которое предрасположено к сегментированию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория

1. Каримов И.А. Узбекистан на пути углубления экономических реформ. – Ташкент: «Ўзбекистон», 1995. – 384 с.
2. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана // Собр. Соч. – Т.6. – Ташкент, 1998. – С. 305 – 327.
3. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего // Своё будущее мы строим своими руками. – Т.: «Ўзбекистон», 1999. – Т.7. – С. 149 – 150.
4. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа // Собр. Соч. – Т.8. – Ташкент: «Ўзбекистон». – 2000. – С. 322 – 340.
5. Национальная программа по подготовке кадров // Гармоничное развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Ташкент: «Шарк», 1997. – С. 31 – 61.
6. Амосова Н.Н. О синтаксическом контексте // Лексикографический сборник, вып. 8. – М., 1962. – С. 36 – 45.
7. Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филологические науки. – М., 2000. – № 2. – С. 58 – 66.
8. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб.: Изд-во С.Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
9. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
10. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1979. – Т.38, №4. – С. 323 – 334.
11. Афанасьев П.А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М.: РГПУ, 1996. – 24 с.

12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: СЭ, 1969. – 608 с.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр.лит., 1955. – 416 с.
14. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.
15. Бархударов Л.С, Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.
16. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
17. Беседина Н.А. Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке // Филологические науки. – М., 2008. – №6. – С. 44 – 52.
18. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
19. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН, 1963, Т.2. – 391 с.
20. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. – М., 2001. – №4. – С. 79 – 86.
21. Бухтиярова Н.С. Синтаксис несобственно прямой речи в произведениях Т. Драйзера: Автореф. дисс. ... канд. филол.наук. – Л.:ЛГПУ, 1993. – 24 с.
22. Бушуй А.М. О функциональном подходе к определению актуальной структуры предложения // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2004. – №1. – С. 27 – 34.
23. Бушуй А.М. Язык и действительность. – Ташкент: Фан, 2005. – 244 с.
24. Бушуй Т. Краткая история развития лингвофилософии. – Самарканд: СамГИИЯ, 2008. – 88 с.
25. Бушуй Т., Сафаров Ш. Тил қурилиши: таҳлил методлари ва

методологияси. – Ташкент: Фан, 2007. – 274 б.

26. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.

27. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – Издание второе. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

28. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

29. Вишнякова О.Д. Функционально – когнитивная парадигма как сфера концентрации лингвистической мысли в наступившем столетии // Филологические науки. – М., 2003. – №6. – С. 36 – 42.

30. Воробьева Г.К. Система членов предложения как важнейшая информационная технология человеческой цивилизации // Филологические науки. – М., 2004. – №5. – С. 34 – 41.

31. Гаврилова Г.Ф. Предложение – высказывание в когнитивном аспекте // Филологические науки. – М., 2001. – №6. – С. 72 – 78.

32. Глебова Н.Б. Эллиптические (неполные) предложения в современном английском языке // Уч. зап. ДВГУ, вып. 5. – Владивосток, 1962. – С. 70 – 85.

33. Гуревич В.В. Актуальное членение предложения в его разных проявлениях // Вопросы языкознания. – М., 2004. – №3. – С. 69 – 87.

34. Добрушина Н.Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. – М., 2000. – №1. – С. 135 – 140.

35. Ежов В.А. О структуре ответных реплик английского диалога // Ученые записки Екатеринбург. пед.ин – та, сб. 193. – Екатеринбург, 1974. – С. 4 – 28.

36. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике, вып.1. – М., 1960. – С. 264 – 389.

37. Емельянова Н.А. Дискурсивные слова как средство организации

устного общения в английском языке // Филологические науки. – М., 2001. – №5. – С. 70 – 77.

38. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.

39. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: МГУ, 1976. – 307 с.

40. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – М. – Л.: Просвещение, 1965. – 378 с.

41. Имаева Е.З. Процессы функционирования и развития неявных смыслов в метатексте // Филологические науки. – М., 2005. – №3. – С. 88 – 95.

42. Инфантова Г.Г. Современные тенденции реализации текстовых категорий цельности, связности и расчленённости // Филологические науки. – М., 2008. – №6. – С. 74 – 78.

43. Иофик Л.Л. (Ред.) Структурные синтаксис английского языка. – Л.: ЛГУ, 1972. – 175 с.

44. Иртеньева И.К. Теоретическая грамматика английского языка. – М: Высшая школа, 1969. – 144 с.

45. Каушанская В.Д., Ковнер Р.Л. и др. Грамматика современного английского языка. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 317 с.

46. Качалова К.А. Грамматика английского языка. – М.: Внешторгиздат, 1964. – 504 с.

47. Крючкова Т.Б. The handbook of language variation and change // Вопросы языкознания. – М., 2004. – №5. – С. 133 – 138.

48. Леонова Л.А., Шубин Э.П. Готовые предложения в современном английском бытовом диалоге // Иностр. языки в школе. – М., 1970. – №5. – С. 4 – 16.

49. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. Изд.2 – е, прераб. и доп. – М: Высшая школа, 1981. – 175 с.

50. Назаров А.И. Неполные предложения, условия их употребления и структуры: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пенза: ПГПИ, 1990. – 34 с.

51. Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. – М., 2001. – №1. – С. 98 – 132.

52. Новикова Н.С. Коммуникативная норма и лингвистические проблемы межкультурной коммуникации // Филологические науки. – М., 2006. – №2. – С. 93 – 100.

53. Орлов Г.А. Современная английская речь. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.

54. Перельгут Н.М. К проблеме становления нормы английского языка // Иностранные языки в школе. – М., 2002. – №3. – С. 61 – 66.

55. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7 – е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 512 с.

56. Пономаренко Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике // Филологическая наука. – М., 2004. – №5. – С. 24 – 33.

57. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: «Вища школа», 1971. – 191 с.

58. Расторгуева Т.А. Очерки по истории грамматики английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 348 с.

59. Руберт И.Б., Генидзе Н.К. Аналитическая тенденция в языковой эволюции // Филологические науки. – М., 2003. – №1. – С. 54 – 62.

60. Савосина Л.М. Трансформационная парадигма предложения и её соотнесённость с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания. – М., 2000. – №1. – С. 66 – 74.

61. Савченко В.А. Рема – доминантная структура художественного текста (На примере композиционно – речевой формы «описание») // Логико – семантические и прагматические проблемы текста. – Красноярск, 1999. – С.

115 – 130.

62. Самгар В.Н. Сферы регуляции и нормы речевого поведения // Филологические науки. – М., 2003. – №3. – С. 61 – 67.

63. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 286 с.

64. Сучкова Н.П. Стереотипные оценочные реплики реакции в английской разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988. – 17 с.

65. Хаймович Б.С, Роговская Б.И. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1967. – 298 с.

66. Циммерлинг А.В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. – М., 2000. – №2. – С. 118 – 133.

67. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.

68. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

69. Ярцева В.Н. О взаимосвязи синтаксических отношений // Проблемы сравнительной типологии. – М. – Л.: ИЯ АН, 2004. – С. 4 – 32.

70. Allen R.L. The Verb System of Present – Day American English. The Hague – Paris: Mouton, 2006. – 368 p.

71. Bach E. Nouns and noun phrases // Universals in linguistic theory. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1998. – P. 24 – 109.

72. Bach K., Harnish R.M. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2004. – 412p.

73. Bushuy T. Umumiy tilshunoslik. – O'quv qo'llanma – Samarqand: Sam DChTI, 2002. – 50b.

74. Bushuy T. Sinxronik va diaxronik tilshunoslik. – Umumiy tilshunoslik bo'yicha o'quv qo'llanma. – Samarqand: Sam DChTI, 2003. – 50 b.

75. Bushuy T. Til tizimi va qurilmasi. – Samarqand: SamDChTI, 2004. – 50b.
76. Christophersen P. The Articles. – London: Longman, 1999. – 370 p.
77. Croft, William. Syntactic categories and grammatical relations: The cognitive organization of information. – Chicago: Chicago University Press, 2003. – 424 p.
78. Curme G.A. Grammar of the English Language. V.III. Syntax. – Boston, 1996. – 440 p.
79. Givon T. From discourse and Syntax. – New York: Academic Press, 2006. 81 – 114p.
80. Gundel J.K. Role of Topic and Comment in Linguistic Theory. – Indiana University Linguistics Club, 2006. – 440 p.
81. Hockett Ch. A course in Modern Linguistics. – New York: The Macmillan Company, 2008. – 621 p.
82. House A., Harman S. Descriptive English Grammar. – New York: The Macmillan Company, 2005. – 228 p.
83. Huddleston R.D. Introduction to the Grammar of English. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2002. – 499 p.

Тексты

- I. Bronte E. Wuthering Heights. – London: Pan, 2007. – 240 p.
- II. Christie A. Holiday for Murder. – New York, 1995. – 320 p.
- III. Christie A. Endless Night. – London: Pan, 1998. – 348 p.
- IV. Dickens Ch. Hard Times. – New York: Popular Library, 1998. – 440 p.
- V. Dreiser Th. An American Tragedy. – M.: X ЛД1988. – 724 p.
- VI. Galsworthy J. Selections. – London, 2000. – 606 p.
- VII. Green Graham. Brighton Rock. – London: Penguin books, 1998. – 384 p.
- VIII. Green Graham. The Heart of the Matter. – London, 1997. – 464 p.

Словари

1. Большой англо – русский словарь / Под общим руководством профессора И.Р.Гальперина. 1 – 2т. – М.: СЭ, 1972. – Т.1, 822с; т.2. – 863 с.
2. Brewer's Dictionary of 20 th – Century Phrase and Fable. – New Edition. – London: Market House Books Ltd., 1993. – 662 p.
3. Hornby A.S., Ruse C.A. Oxford ESI Dictionary. For students of American English. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 715 p.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. – Essex, England: Longman Group Ltd, 2002. – 1668 p.
5. Longman Dictionary of English Idioms. – London: Longman Group Ltd, 1979. – 387 p.
6. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – London: Penguin Books, 1953. – 1986 p.
7. The Concise Oxford Dictionary, 5th edition. 1964. – 798 p.
8. The Oxford Dictionary of Phrase sayings and quotation / E.Knowles. – New York, 1997. – 149 p.
9. The Penguin English Dictionary / G.W. Garmonsway, J. Simpson. – Harmondsworth: Penguin, 1965. – 800 p.
10. The Thorndike English Dictionary. – London, 1961. – 990 p.
11. The Universal English Dictionary. Toppan Company, Limited. – Tokyo, Japan (edited by H.C. Hyld). – 880 p.
12. The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable. – Kent, England Wordworth Editions Ltd, 2001. – 1158 p.
13. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language / D. Yerkes (ed.). – New York, 1993. – 1248 p.